

Н.В. ЗАХАРОВ

АВАНТЮРИСТЫ

КНИГА СЕДЬМАЯ

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

18+

Николай Захаров

Авантюристы. Книга 7

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Захаров Н.

Авантюристы. Книга 7 / Н. Захаров — «ЛитРес: Самиздат», 2019

Повествованием охвачены события века 20-го /лихого/ для нашего Отечества и не менее /лихих/ предыдущих и последующих веков. Все совпадения имен персонажей с реально жившими и живущими людьми - совершенно случайны. Продолжение книги "Жулики". Содержит нецензурную брань.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	10
Глава 3	15
Глава 4	24
Глава 5	31
Глава 6	37
Глава 7	43
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Глава 1

Немцы никогда не экономили на своей безопасности и ракет осветительных не жалели, но в эту ночь им не повезло, на позицию доставили бракованную партию ракет и они, вылетая из ствола, зашипев, тут же гасли. Именно поэтому ночная атака русских замечена и не была вовремя, а сопротивление оказано слабое. Спящих солдат Вермахта даже убивать не стали, подняв пинками и используя в дальнейшем, как выючных животных. Всего взято в плен было около трехсот человек только ротой Михаила. Немцы испуганно сбивались в кучи, вытягивая вверх руки и лопоча: – Криег капут,– и потом с готовностью перли ящики с патронами, консервами и волокли походно-полевую кухню в сторону русских позиций. Отправленные утром под конвоем в тыл, они угрюмо брели, глядя под ноги, полагая что война для них закончилась и не победным прохождением через Красную площадь, а вот этим позорным через болото.

Старшина Васильев, суетился вокруг трофейной кухни, обустраивая пункт хозяйственного довольствия – ПХД роты и к рассвету замаскировал все так, что бойцы отправившиеся за утренней кашей, не сразу ее находили на восточном склоне высоты. 31-ое августа прошло в редких обстрелах минометами, одним авиа-налетом и перестрелкой с пехотой Вермахта, появившейся в окопах во второй половине дня.

Очень удивил Михаила визит командира соседнего полка утром, сразу после возвращения в окопы из ночной атаки. Майор Лузин Петр Николаевич, спрыгнул в траншею и загудел басом:

– Ну, где тут ваш ротный, который майор? Ты что ль? Ну, брат, давай кофий. Я большой до него любитель, жинка понимаешь приучила. Давно не пивал.

В командирском блиндажике он, не церемонясь, присел к столу и выставил на него флягу со спиртом, скомандовав своему ординарцу: – Давай, Ерема, выкладывай из мешка что-нибудь на зуб. Эх, паря, как мы их ноне а? Мои-то орлы, ей Богу. Сам не знал. Думал ваклахи. Откуда что в русском человеке берется? Должно от дедов в крови. Ты сколь пленных взял?

– Человек двести,– Михаил, впервые столкнувшись вот так в неформальной обстановке со средним командным составом РККА, с любопытством рассматривал майора Лузина. Именно вот такие как он и были теми «рабочими лошадками», командовавшими непосредственно войсками. Они не отсиживались и таких-то и любили солдаты, называя «Батями».

– Ну, это рота. А мои «Вани», человек пятьсот пригнали. Правда, одним батальоном сходили,– «Вани» Лузин произнес, как-то особенно, с теплотой и Михаил подумал, что этого майора точно любят солдатики. Было в нем что-то домашнее, свойское, крестьянское.

Выпив сто грамм спирта и перекусив, майор принялся расспрашивать Михаила, совершенно простецки, откуда он и почему «брошен» на роту.

– Я сам Туляк. Если такими темпами будем драть, то скоро дома буду,– помрачнел он, от перспективы добежать с армией до родного порога.

– А я тут из Москвы проездом, а родом из Питера.

– Хреново там сейчас,– посочувствовал городу на Неве Лузин.

– А где хорошо? Там где нас нет.

– Да уж, где вас нет... – майор покосился на петлицы Михайловы.

– А как без этого, Петр Николаевич? А особенно на войне. Шпионы, диверсанты, дезертиры, саботажники, предатели. Их кто-то должен выявлять или пусть гуляют?

– Убедительно,– согласился командир 315-го полка.– Ну, давай еще по сто грамм, за то чтобы им всем сдохнуть и побегу я. Извини, сидеть некогда. Каб ни кофеё, так и не пришел бы. А где он, кстати?

Михаил выставил термос трехлитровый на стол и майор Лузин уставился на него с мальчишеским любопытством.

– Агрега-а-а-т,– уважительно протянул он, наблюдая как Михаил наливает напиток в кружки.

– Нравится? Забирай!– сделал Михаил широкий жест.

– Не могу, брат. Это вроде мародерства получится, а отдариться мне нечем,– замотал майор головой в пилотке.

– Считаешь что нечем? Не парься, Петр Николаевич. У меня еще один есть такой же. Это трофейный, японский. Сегодня ночью и взяли. Ну, вот на хрена мне два? Бери, на том свете угольками рассчитаешься.

– Ну, спасибо, брат. С меня причитается,– майор довольно крутнул смоляной, как у киношного Чапаева ус.– Что там по связи сообщают? В наступление когда?

– Ну, товарищ майор...– Михаил хлебнул кофе.– Кто здесь кто? Ты комполка, я ротный. Кто у кого спросить про такое должен?

– Ох, Михаил. Темнишь, брат. Я много чего видел на своем веку. А фамилия Соболев уже по проводам второй день жужжит. Тебе еще командующий фронтом не звонил? Рассказывали мне, как ты с ним разговаривал. Не страшно?

– Откуда я знаю, Петр Николаевич, страшно ему или нет? Мне бы на его месте непременно страшно бы было,– хмыкнул Михаил.

– Ну, маладца-а-а-а,– рассмеялся, слегка запяневший Лузин.– А это не ты ли тот майор, что в штаб фронта ввалился при всех комдивах, с пакетом от Верховного, и всех в шею турнул? А потом командующий выскочил пулей следом и в отхожее место побежал?

– Нет, не я.

– А кто? У меня наш комдив разжалованный со вчерашнего дня в начальниках штаба. Глаз у него цепкий у Якова Георгиевича. Генерал майор Котельников. Не слыхал? Он мне приметы майора этого описал, ну вылитый ты, особенно в профиль.

– Про Котельникова слыхал и что сняли его перед боем тоже знаю, остальное все хрень полная. Не было пакета от Верховного. Это у Якова Георгиевича фантазия буйная. Поклон ему передай.

Ночью повторили атаку, причем вновь прибывшие немцы, вообще не спали, но атаку русских опять проморгали. Без рукопашной, правда, не обошлось в этот раз и сопротивлялись немцы отчаянно, но обошлось все для роты Михаила малой кровью, парой фингалов и разбитыми прикладом губами. Не повезло сержанту Иванову Петру Александровичу. Немец врезал ему прикладом в челюсть и вынес десяток передних зубов напрочь, так что губы у него налились оладьями и говорить он не мог совершенно. Уже в своих окопах Михаил завел его в блиндаж и заставил открыть разбитый рот.

Зубы он восстановил, пожалев парня, но опухоль снимать не стал, чтобы не напугать сержанта.

– Повезло, тебе Петр Александрович, зубы крепкие, все целы.

– А сто я тогда выплефыфал?– не поверил сержант и полез пальцем себе в рот.

– Щепки от приклада немецкого ты выплефыфал,– передразнил его Михаил.– Вот тебе мазь. Намажь десны и за пару дней все пройдет. Организм молодой, как на собаке все заживать должно.

Пленных в этот раз взяли гораздо меньше, человек пятьдесят и следующим утром немцы просто озверели, обнаружив, что за ночь русские опять опустошили их переднюю линию.

Минометный огонь открыли просто шквальный, расходуя видать последние запасы. Люфтваффе, не влюбившее почему-то этот участок обороны русских, тоже прилетело с визитом, послав две пары Юнкерсов в сопровождении Хенкелей и высыпала на головы пару тонн бомб. Они об этом потом очень пожалели, оставшись с пустыми баками, но первый заход их Михаил вульгарно проспал, задремав в блиндаже под привычные для уха разрывы снарядов и

мин. Попавшая в перекрытие бомба, сбросила его с нар и он матерясь, выскочил из блиндажа. Три наката выдержали, но потрянуло так, что дрожали ноги.

– В рот вам компот, – погрозил он самолетам Люфтваффе кулаком. – Чтоб вам рухнуть, – и они послушно врезались в землю, все десять.

– Вот так. А не хрен спать мешать, – Михаил принялся отряхиваться от земли и взорвавшийся рядом снаряд, засыпал его снова с головы до ног.

– Ну, сволочи. Достали, – в ушах звенело и он не слышал собственного голоса. Щелкнул пальцами, устраняя глухоту и нацепив еще один браслет, заглушил все минометы немцев.

Из блиндажа высунул голову связист – Санька Ведерников и заорал: – Товарищ майор, вас просят.

За эти дни Михаил уже многих бойцов знал по именам а этот все время торчал рядом и даже однажды пытался закрыть его своим телом от разрыва снаряда. За что получил по шее.

Но парню видать очень хотелось получить орден за спасение офицера, пусть даже посмертно и Михаил пообещал ему, что внесет в наградные списки, как совершившего героический поступок. С условием, что он не будет больше на него набрасываться.

– Какой, товарищ майор? Я ничего пока...

– Связью обеспечиваешь своевременно. Сколько раз уже бегал обрыв устранять?

– Да нешто сосчитаешь сколь? Раз пятьдесят за два-то дня. Все время рвет и рвет, что за непуха. Хоть бы провода какие придумали, такие чтоб не рвались. Сопли, а не провода, – Санька, подергал рукой за провод.

– По простреливаемой местности, значит, постоянно перемещаешься, можно сказать со смертью в жмурки играешь все время. В ночные атаки опять же ходил оба раза, хотя мог остаться. Ты ведь не наш, из другого подразделения. Прикомандирован и в бой идти не обязан. Твоя задача – связь. Наоборот тебя беречь нужно и в атаки лишний раз не гонять. Так что орден Славы, как минимум, уже на твоей гимнастерке быть должен. Тут все парни геройские, а ты чем хуже? Ничем, только не прыгай на меня больше во время взрывов. Пугаюсь я очень. С детства не люблю, когда набрасываются ни с того, ни с сего.

На связь вышел комдив и был он лаконичен и краток.

– Ты там еще не всех фрицев переловил, по их окопам по ночам шляясь?

– Полно еще, – улыбнулся Михаил.

– Слушай приказ. Ваш полк завтра с утра вместе со всей дивизией идет штурмовать Ельню. Командующий приказал. Начало как всегда в 7.00. «Катюши» пройдутся минут пять по немцам, ну а следом мы в 7.05-ть. Успеем добежать до Ельни за пятнадцать минут?

– Нет, конечно.

– Приказано успеть, иначе трибунал. К нам на КП, сейчас генерал-лейтенант Богданов обещался прибыть, лично курировать будет.

– Может он еще подскажет, как нам такую скорость крейсерскую развить?

– Ты ему сам потом это скажешь, после того как Ельню освободим от немецко-фашистских захватчиков, – голос Утвенко налился фанатическим патриотизмом и Михаил понял, что генерал-лейтенант выполнил свое обещание.

– Дай-ка ему трубку, Сань, прямо сейчас и скажу. Он ведь героически рядом стоит и в сторону немецко-фашистских захватчиков смотрит в перископ? Давай, давай, не стесняйся. Чего там. Или мне самому прибыть на КП? Я могу, но тогда вам обоим с Богдановым завтра придется впереди полков бежать и лично демонстрировать скорость передвижения, – трубка захрипела, будто на том конце провода, кому-то свернули шею и раздался незнакомый Михаилу голос, решительный и не много истеричный.

– Мне, майор, тут про тебя много чего доложили и с тобой мы разбираться будем вдумчиво, после завершения Ельнинской операции. Дело твое личное полистаем, выясним, почему дерзкий такой. Принц наследный, мать твою.

– Вы, генерал-лейтенант, выражения выбирайте, когда на людях разговариваете,– перебил его Михаил.– Субординацию в Красной Армии пока никто не отменял. Прошу на Вы. Я ведь и огорчить могу так, что вы не только чужих матерей упоминать перестанете, но и про свою забудете напрочь старушку. Или рядом с товарищем Жуковым нахватались словес помойных? Так ведь я и ему это не спущу. Вместе грустить будете, в одной камере,– Михаил прикрыл глаза и довольно ухмыльнулся.

Генерал-лейтенант стоял, открыв рот, и хлопал им, пытаясь сказать что-то.– Рот прикрой, недоумок и фильтруй базар,– закончил Михаил отповедь, перейдя на ты.

– Да, я тебя под трибунал, мерзавца,– опомнился от изумления Богданов.

– За что? За то, что немцев бью? Или за то, что хамство твое терпеть не желаю?– спросил Михаил спокойно.

– Как изменник пойдешь,– заорал генерал-лейтенант.

– Я изменник? А ты, сука, сколько уже армий немцам сдал? Думаешь фюрер тебе маршальские звезды уже приготовил? Следствие покажет чем, ты – волчара позорная, последние два месяца с гражданином Жуковым занимался в действующей армии. Готовься. Ельню возьмем и я тобой лично займусь,– трубка выпала из руки генерал-лейтенанта и он принялся рвать душащий его ворот мундира. Трубку подхватил комдив Утвенко и Михаил веско произнес:

– Передай подследственному Богданову, чтобы сидел тихо на КП и не высовывался. Артподготовки не нужно завтра утром. Мы возьмем городишко этот сегодня ночью. Без спецэффектов. Передай приказ остальным полкам, как обычно атака в 4.00 и встречаемся в Ельне, на вокзале. Все понял, Александр Иванович. И не дай тебе Бог, что-то перепутать. Никаких Катюш, с их музыкальным сопровождением,– Михаил положил трубку на аппарат и с усмешкой наблюдал, как выскакивает из КП дивизии Богданов и мчится по траншее прочь.

– Побежал сучара докладывать. Падла,– Михаил щелкнул пальцами и генерал-лейтенант схватился за живот.

– Вот так-то лучше будет. Прогуляйся в места общего пользования,– злорадно посоветовал ему Михаил и зам командующего фронта, выскочив из хода сообщения, помчался к ближайшим кустам.

Ночью пошли в атаку на Ельню и взяли ее без выстрелов, потому что противника там не оказалось. Немцы ушли, бросив склады с боеприпасами и не стреляющие орудия с минометами. Организованно сбежали. Утро наступившее, застало роту Михаила на западной окраине города, в брошенных немцами окопах. Приказав сообщить на КП дивизии свое местоположение, он связался с соседями и выставил над дотом красный флаг, чтобы свои из 100-той и 107-ой дивизий, не поперлись в атаку, «причесав» артиллерией. На часах было ровно 7.00, когда заревели «Сталинские органы» и море огня захлестнуло позиции 32-го стрелкового. Земля горела в буквальном смысле этого слова и если рота Михаила, упав на дно траншей и уткнувшись в землю, спаслась от огня собственных «катюш», то остальной полк буквально в течение пяти минут перестал существовать.

Люди сгорели заживо из-за «ошибки» ракетчиков. Рев смолк и на Ельню упала тишина. Михаил поднялся и огляделся по сторонам. Земля дымилась и полыхали кустарники с деревьями. Совсем рядом, метрах в стах, был кто-то не догоревший и умирающий в муках. Санька Ведерников, крутил ручку полевого телефона и орал в трубку: – Тридцать второй, я тройка. Как слышно? Прием!

Слышно было хреново и Санька опять крутил ручку.

– Ну, суки,– Михаил закрыл глаза и присел на корточки. Обхватив каску руками, он вглядывался в размытые пятна, мелькающие перед глазами и наконец увидел четко лицо. Оно улыбалось, радостно и торжествующе. Михаил сосредоточился и услышал голос.

– Ошиблись музыканты, товарищ сто первый, по вине 315-го. Он не верно дал свои координаты. Сообщил, что противник оказывает ожесточенное сопротивление западнее города и

просил помочь огнем. Приказ я отдал, а потом выяснилось что он оговорился и 32-ого накрыло. Да, потери просто колоссальные. Позор. Будем отдавать под трибунал, если выжили. Я уже распорядился, люди отправлены. Да, сразу. А чего тут рассусоливать? С мерзавцами церемониться нельзя. Тем более с трусами и дезертирами. Есть, держать в курсе. Так точно.

Лицо говорящего было Михаилу не знакомо. Но то, что это не Богданов он понял сразу.

– Да вас тут целая кодла собралась,– простонал он, открывая глаза.– Людей, значит, послал. Ну что ж посмотрим, что за люди сюда заявятся. Что там со связью, Сань?

– Нету, товарищ майор. Обрыв должно быть. Побегал я.

– Беги,– Михаил окликнул комвзводов и сержанты явились, настороженно озираясь по сторонам.

– Ну, как наша артиллерия лупит? Понравилось?

– Чудом живы остались. Хорошо, что траншеи фрицы глубокие постарались отковырять,– зло прокомментировал сержант Иванов и сплюнул сквозь новенькие резцы. Опухоль у него почти прошла и выглядел он вполне благообразно.

– У меня есть информация, что в штабе фронта сидит шкура и нас специально по его приказу, якобы ошибочно обработали ракетчики. Со шкурой я разберусь. Он у меня землю жрать будет, клянусь вон теми парнями, которых он подставил. Иванов, остаешься за командира роты, сейчас Санька связь восстановит и ждите приказ от комдива, а я парни вас оставляю. От всего полка вроде бы только ваша рота осталась цела. Этого так я не оставляю. Немцы вряд ли в атаку пойдут в ближайшие дни. Им не до нас. У них резервы кончились и они линию фронта выравнивают. Неделю можете спать спокойно. Вас скорее всего на переформирование теперь отправят. Может и свидимся еще,– Михаил пожал сержантам руки и выпрыгнул из траншеи. По обгорелой земле он двинулся на восток, внимательно присматриваясь кдвигающимся ему навстречу редким пока военным. Связисты в основном и связные. Парами и поодиночке. А вот групп пока не наблюдалось.

Глава 2

А под Костырями продолжала сопротивляться 109-я танковая дивизия. Обложенная плотно со всех сторон 10-ой танковой и 267-ой пехотной немецкими дивизиями, она отбивала их атаки одну за другой. Оборону возглавили комдив Семен Панкратьевич Чернобай – полковник и его зам, полковник Иустин Федорович Урбан. Используя демонтированные из танков рации, они умудрились согласовать действия остатков полков дивизии. 218-ый, 219-ый танковые полки, потеряв технику, ушли в окопы и ими командовал живой пока еще командир 219-го полка подполковник Александр Иванович Потапов с комиссаром 218-го Федором Ивановичем Лебедевым. В центре обороны находился полк мотострелковый с таким же номером как и у дивизии – 109-ым и командовал обороной батальонный комиссар Василий Васильевич Короткий. Он собрал остатки артполка тоже 109-го и этот сводный полк умирал под огнем минометов и отбивал танковые атаки немцев, выползая из наспех отрытых щелей.

На правом фланге, там где обосновался Сергей с экипажем и артиллеристами, команду и организацию обороной взял на себя, посланный с ротой сводной, начальник штаба 219-го полка Виктор Михайлович Казначеев.

Рота сводная появилась на позициях роты Сергея в конце дня и принялась окапываться, торопливо, готовясь к круговой обороне. Начальник штаба 219-го танкового в звании майора, спрыгнул в траншею, чуть ли не на голову Сергею и разглядев что перед ним офицер, обрадовался.

– Майор? Откуда здесь НКВД? А мы думали лейтенант остался танкистик, а тут, я смотрю, целый майор и младший лейтенант. – Обрадовался он еще больше, увидев артиллериста. – Как обстановка?

– Замечательная. Хуже только в преисподней. Майор Руковишников – спецкор "Правды".

– Ну да! – удивился Казначеев и представившись в ответ, добавил. – И какими судьбами к нам?

– Задание редакции выполняю, – пожал плечами Сергей. – А вы подумали, что на экскурсию приехал?

– Ха, угадал почти, майор. Подумал, что экзотики захотелось.

– Ну да. Бросил все на хрен и сбежал из редакции. Вторые сутки ищут, думают что дезертировал.

– Ты не обижайся, Руковишников, меня утром глушануло слегка, только в себя приходиться начинаю, ты погромче говори, особенно когда слева от меня, ухо напрочь заткнуло. Поэтому и шучу невпопад. Я тут вам пособлю слегка со своими орлами. Как у вас с патронами?

– Нормально пока. Мы склад тут обнаружили небольшой, ну и живем пока.

– Много?

– Ящиков десять пока есть.

– Поделишься?

– Куда деваться, рядовой Абаев, выдай пять ящиков людям майора. Сергей задействовал расторопного Женьку на всю катушку и тот с удовольствием выполнял обязанности и старшины, и санинструктора по совместительству.

– Есть, – козырнул он и принялся вышвыривать патронные ящики на бруствер. – Получай, славяне, от казаха.

– Гранат бы еще, – размышлял майор Казначеев. – Ты где складик-то обнаружил? Внимательно там все осмотрел?

– Осмотрел, конечно, поспешно, а обнаружил вон за тем кустарником, прямо тридцать и правее пятьдесят. В воронке было брезентиком прикрыто. Воронка сейчас пуста, но ближайшие окрестности я не осматривал, – признался Сергей. – Не до экскурсий было.

– И чего тогда сидим?– Казначеев подозвал к себе радиста и распорядился.– Свяжись с Чернобаем. Доложи, что на месте. Я на рекогносцировку. Вызывай. Давай, Руковишников, сбегаем на экскурсию к кустам этим. Вдруг там еще что-нибудь завалялось. Кусты пышные, там вполне рояль концертный уместиться может, я уж о танке и не говорю,– и не дожидаясь согласия Сергея, полез в сторону кустов.

Начинало смеркаться и немцы ослабили минометный обстрел, так что разрывы слышались все реже, а в атаку на ночь глядя Вермахт и вовсе идти не собирался. Вермахт собирался ужинать по регламенту и спать.

Рояля в кустах, к сожалению, не оказалось и ящиков с боеприпасами тоже, зато правее майоры обнаружили разбитый немецкий грузовик, раскорячивший скаты и спрятавший сплюснутую гусеницами танка кабину, в вывороченную им же ямищу.

– КВ прогулялся,– Казначеев прикрыл рукой нос.– Из смятой кабины, торчали ноги и смрадом уже несло ощутимо.– Что вез фриц?– майор дернул за смятую металлическую распорку и отшвырнув ее вместе с обрывком брезента, заглянул в искореженный кузов.

– Убей Бог мою душу, Руковишников, если там не коробки с сухим пайком. Ну-ка помоги.

Вдвоем они быстро раскидали в стороны искореженные останки бортов и пара десятков картонных коробок с трупом солдата Вермахта, были им наградой за труды. Коробки смяло и из них вывалились выпотрошенные банки. Покосившись на немца и выдернув из его руки винтовочный ремень, Казначеев присел у коробок и вынул несколько банок.

– По-немецки что-то выдавлено. Там разберемся. Ты какой язык учил в школе?

– Немецкий,– Сергей взял банку и попробовал разобраться в обозначениях.– Буквы и числа. Не понятно. Разберемся на месте. Пошлем сейчас сюда десяток бойцов.

– Правильно мыслишь. Пошли дальше или возвращаемся?– Казначеев выпрямился и осмотрел трофейную винтовку.– В порядке вроде бы,– передернул затвор и нажал на курок. Раздавшийся выстрел подтвердил его предположение и майор закинул винтовку на плечо, сняв с немца предварительно пояс со штык ножом, флягой и бляхой, на которой красовалась надпись.

«Meine Ehre – heisst Treue»!– Моя честь – это верность!– перевел Сергей.– Ваффен СС.

– Пошли,– поморщился Казначеев то ли от трупной вони, то ли от лозунга эсэсовского. А скорее всего и от того и от другого в совокупности.

Сосняк, местами основательно выгоревший сегодня, спускался в болотистую низину и где-то там между кочек текла Стряна или речушка в нее впадающая. Сергей внимательно осмотрел окрестности болотистые и ничего интересного не обнаружив, предложил возвратиться, проверив на обратном пути левый склон овражка, упиравшегося в оборону и по которому можно было скрытно подойти к позициям полка.

– Вон, то место мне еще утром не понравилось. Вполне можно вплотную к нам подбаться. Скопиться и закидать гранатами. Не люблю я таких даже гипотетических сюрпризов.

– Проверим и выставим здесь наблюдателей. Со стороны болотины вряд ли пройдут, а тем более техника. А вот овражек неприятный, тут я согласен.

Овражек оказался довольно глубоким и с неожиданно отвесными краями, поросшими кустарником и редколесьем, он представлял из себя вполне пригодную для сосредоточения и атаки позицию и на счастье обороняющихся, сейчас был пуст. Протянувшись метров на сто, русло оврага плавно спускалось к реке и исчезало, сливаясь с местностью. Здесь же он был метров пяти в глубину и судя по следам, им пользовались в качестве отхожего места и помойки.

– Пару человек с пулеметом придется посадить,– прикинул майор Казначеев и повернувшись к Сергею предложил.– Давай спустимся, глянем. Место больно уж удобное для устройства складских блиндажей, вон видишь, деревца срублены, вроде как подъезд расчищали, да и следы имеются на травке от скатов.

– Вот там давай и проверим,– согласился Сергей, отправляясь в указанное Казначеевым место. Рванувшая в десяти метрах мина, уложила майоров на землю и засыпав землей и ветками, заставила оставшееся расстояние пробежать пригнувшись. Огонь немецких минометчиков явно кто-то корректировал и пока они бежали эти метров пятьдесят, рядом совсем рвануло еще три раза. Спрыгнув в овраг и отдышавшись, Сергей огляделся. Смеркалось и в овраге это было особенно заметно. Длинные тени упали на склоны и поросшие травой они уже зачернели и слились в полосу, которая не имеет глубины.

Приглядевшись, ему удалось рассмотреть следы в примятой траве и вели они к противоположному склону, упираясь в него. Там заваленный срубленными березками и был ими обнаружен вход в армейский склад. Склад соорудили поспешно и видимо просто прятали, то что не успевали забрать с собой, но все же с немецкой аккуратностью, убрав куда-то вынутый грунт и ящики составив ровными стопами по шесть в высоту.

Казначеев откупорил один из них и разочарованно пробормотал.– Мины.– Следующая стопа оказалась с оружейными снарядами и тоже разочаровала. Зато в следующем ряду ящик порадовал двумя МГ, а стоящие за ним стопки патронных ящиков, своим видом вселили в сердце майора Казначеева столько оптимизма, что он расплылся в радостной улыбке.

– Кому повезут, у того и индюк снесет,– подмигнул он Сергею, вытаскивая из ящика МГ, новенький в смазке,– Сергей подсветил фонариком в глубину открытой немцами «берлоги» и луч уперся в штабеля квадратных ящиков.– «Колотушки никак»,– прошел, убедился, что не ошибся и прихватив пару гранат, продемонстрировал их Казначееву, а тот радовался совсем как ребенок и вытерев пулемет наспех от смазки, подвернувшейся немецкой плащ-палаткой, потащил его наверх, что-то весело насвистывая.

«Марш энтузиастов»,– определил Сергей и с патронным ящиком двинулся следом.

До полуночи бойцы переносили боеприпасы и консервы в траншеи, заряжали ленты и магазины патронами. Сергей, наскоро перекусив и одновременно послушав последние оперативные данные, озвученные Казначеевым, расставил караульных и определив порядок их смены, предупредил:

– Я сползаю в сторону немцев, взгляну на них поближе, возвращаться буду, посвищу вот так,– высвистев «марш энтузиастов» и оставив за себя младшего лейтенанта-артиллериста, ушел в сторону позиций 10-ой танковой.

Немцы окопались метрах в трехстах и выбрав взгорки, выставили там МГ. Танки торчали из рощицы позади позиций метрах в пятидесяти, за линией траншей и в этом месте низинка их укрывала. Ко всему еще и срубленными ветками танкисты броню прикрыли, так что Сергей не сразу их и обнаружил в бинокль, переключив его на ночное видение.

Всего было им обнаружено пять танков и рядом с ними мелькали темные фигурки экипажей. Проурчал авто-движок – это подъехал заправщик, и фигурки засуетились оживленнее. Доносились отдельные слова и даже фразы. Немцы не опасались ни ночных атак, ни ночных бомбардировщиков. В траншеях преспокойно курили, получив свои эрзац-сигареты, стрелки и кто-то тихо, правда, но вполне слышно, что-то выдувал на губной гармошке. Немцы поужинали и собирались ложиться спать. Раздалось несколько громких команд – это заявили в расположение офицеры, видимо уходившие на командный пункт и огоньки сигарет притухли между ладонями. Офицеров своих немцы пока боялись и уважали больше, чем противника.

«Батальон примерно, судя по плотности. Пехота и «мазута». Так, а это зенитчики обособились»,– Сергей осматривал позиции немцев и картина перед ним открывающаяся нравилась ему все меньше и меньше. В этом месте немцы явно наращивали «кулак» и собирались завтра после завтрака начать наступление. «Они думают, что дадут разок и сомнут нас на хрен. Хрен вот вам. Я вам сегодня такую веселую ночь устрою, что вам не до атак будет»,– пообещал он и перебежал ближе к немецким позициям. Проверил аккумулятор, положил под руку запасной и надвинув щиток на лицо, выпустил первый плазменный импульс. В наступив-

шей темноте он показался особенно резким и прополз по позициям, как луч прожектора, но в отличии от луча не потухая там где прошел, а растекаясь в стороны. Метров сто вспыхнули почти одновременно и немцы тут же взвыли, сообщая Сергею, что их и «достало и проняло». Сдетонировавшие боеприпасы на позиции зенитчиков, добавили шума, а вспыхнувшие после второго импульса пять танков, весело откликнулись, дружно швырнув башни в звездное небо. Сергей поднялся и двинулся не спешно вдоль линии траншей, стреляя короткими импульсами во все что шевелится и несколько очередей пулеметных в свою сторону пропустил уже миновав очухавшегося пулеметчика. Застучавшие в спину пули, заставили его обернуться и обратить внимание на немца, который палил в него метров с десяти, встав на колени и оперев ствол МГ на бруствер.

Влепив в пулеметчика плазменную плюху и превратив его в горящую куклу, Сергей вернулся и пошел дальше, более внимательно присматриваясь к изгибам траншеи. Из них выскакивали немцы, некоторые в исподнем и нарвавшись на огонь, орали и метались, сбивая друг друга с ног. Перед ним все бежало, сзади горело, рыдало и стонало. Пройдя за час километра три Сергей уперся в болотистую луговину, поросшую кустарником и не обнаружив там никого, провернул назад. Сдернув с пары трупов автоматы с подсумками, он вернулся почти до правого фланга, с которого начал эту ночную атаку и даже спрыгнул в траншею, услышав в ней разговор на немецком.

– Кто здесь есть?– спросил он и ему ответили торопливо.

– Шарфюрер Люгер с отделением.

– Как это вы живы остались, шарфюрер?

– В блиндаже находились,– голос шарфюрера был сиплым от пережитого. Сергей посветил фонарем и на него уставились пять пар глаз, перепуганных донельзя эсэсовцев.

– Уводите отсюда людей, шарфюрер, в тыл. Сейчас русские повторят атаку «Сталинским органом».

– Это и есть "Сталинский орган"? О, мой Бог! Мне рассказывали, а я смеялся и не верил. О мой Бог! За мной, бегом, марш!– скомандовал шарфюрер и первым выскочил из траншеи.

Собрав еще несколько автоматов, Сергей вернулся в свои траншеи, насвистывая «марш энтузиастов». Вывалив под ноги караульного красноармейца железо, предложил: – Выбирай любой, пока другие не расхватали.

– Не нужно, товарищ майор, я со своей как-нибудь винтовкой повоюю. Автомат что? Трещетка. В обороне она не годится. Дерьмо, одно слово. Нажал, трын и пустой ствол и что с ним потом делать? Вы бы мне парочку гранат предложили, я бы не отказался.

– Там немецких «колотушек» в овражке хоть «сидор» набей про запас.

– Наступательная она, товарищ майор. Разлет тридцать метров. Мне бы нашу фэшку.

– Фэбержуху?

– Ну да – ф-1-ю. У нее от 100 до 150-ти убойность.

– Договорились. С меня ф-1, а ты разбуди-ка младшего лейтенанта. Мне с ним побазарить срочно нужно.

Заспанный лейтенант с фамилией космонавтской – Попович, появился, зевая во весь рот с таким подвыванием, что Сергею даже стало совестно, что он его разбудил.

– Извини, младшой, но у меня тут идея возникла очень не терпящая отлагательств. Понимаешь, немцы, те что напротив нас окопались, час назад были атакованы нашими прорывающимися частями, ну и уничтожены практически все. Позиции стоят не прибранные. А там и минометы есть ротные, переносные и пулеметы МГ с десятков как минимум, ну и патроны. Пока темно нужно бы смотаться туда и прибрать кое-что. Мин вон в овраге хоть одним местом ешь, а стрелять нечем. Ты как думаешь? До утра ведь это нельзя мероприятие откладывать?

– Ни в коем случае. Немцы утром очухаются и подтянутся. Бужу народ.

– Давай. Там кстати у них и кухня полевая дымится. Если энтузиазм не иссякнет, можно и ее прихватить.

Рота зевая и потягиваясь, строилась в траншее, слушая сбивчивые объяснения Поповича и возбуждаясь от открывающихся перспектив.

– И чего стоять?– спросил кто-то в темноте нетерпеливо.– Набегут соседи, пронюхают и все уташат. Айда, робяты. Тут всего метров с пятьсот. К рассвету сбегает разов пять. Днем отоспимся, коли там немчуру размазали по стенкам. Пока новые приползут и убитых закопают. День завтра наш.

– Пошли. За мной, марш,– скомандовал младший лейтенант и рота почти вся ушла в сторону все еще горящих местами позиций немцев.

Сергей прошел к роте сводной Казначеева и выдал ему ту же легенду о ночной атаке и трофеях брошенных. В результате эти тоже помчались следом за ушедшими его людьми.

До утра таскали трофеи, сваливая их в проходах и наспех вырытых нишах.

Младший лейтенант, обнаруживший две зенитные пушки и десяток минометов, бегал бегом и подгонял своих артиллеристов, которых под его началом уже насобиралось пару десятков.

– Теперь повоюем,– радовался он, любовно поглаживая ствол зенитной пушки.

– Эх, нам бы еще соляры где раздобыть,– вздохнул с сожалением смолящий самокрутку танкист, присевший на корточки рядом с Сергеем.

– За каким хреном тебе солярка?– не понял Сергей.

– Дак, вон видите там за изгибом две сосенки раскорячились, товарищ майор?

– Ну?

– Два Т-34 там стоят обсохших. Боекомплект в нулях конечно, но у нас рука не поднялась взрывать их и немчура пока не трогала. Видать трофеем уже считает. Баки заливай и вперед. Снарядов вон по калибру в овражке я видел в самый раз есть. Похоже, что наши и лежат. Может, по этому они их пока не рвут в клочья?

– Солярка говоришь?– Сергей задумался и полез в карман за браслетом. Он пока не пользовался им основательно, если не считать ящиков с патронами. Но их то он, как раз просто перебросил со склада фронта. А вот солярка, тут он сомневался.

– Нужно внимательнее утром осмотреть овражек,– принял он решение.– Может там где-нибудь и склад ГСМ есть. Тонны бы две найти соляры.

– Тонны две?– откликнулся танкист.– Нам бы литров двести хотя бы.

– Сходим, поищем,– Сергей взглянул на восток. Небо уже начинало светлеть и со стороны Стряны потянуло прохладой. Туман напел на позицию и голоса подходящих к ней бойцов, вязли в нем, как в вате. Звякало железо, шуршала трава под ногами и взлетали ракеты, где-то на востоке. Фронт ворочался и погромыхивал ночными, редкими разрывами. Начинался очередной день Ельнинской операции.

Глава 3

Михаил направился к наплавному мосту через Десну, который уже восстановили наши саперы и через него, гремя каблуками, спешно переправлялась пехота. Жуков спешил закрепить успех и бросил в Ельню свежую дивизию, похоже только что выгрузившуюся и не успевшую еще порыжеть обувью и запылить гимнастерки. Группу сотрудников НКВД Михаил заметил, когда спустился к реке и прикидывал, сможет ли пройти на тот берег. Роты стрелковые шли по мосту плотно и это показалось ему задачей невыполнимой. «Коллеги по ведомству» выскочили из-за спин очередной роты в количестве семи человек во главе с подполковником. Михаила они тоже заметили сразу и направились к нему. Подполковник козырнул и представился Семеновым.

– Майор Соболев, – представился Михаил и уловил радостный огонек, промелькнувший в глазах подполковника.

– Вот вы-то мне и нужны, товарищ майор. По вашей душе, можно сказать, посланы. Велено доставить в разведотдел фронта немедленно.

– Кем велено? – Михаил спокойно наблюдал, как «коллеги» берут его в «кольцо».

– Приказано замначразведкой – товарищем полковником Волковым Олегом Руслановичем, – мило улыбнулся подполковник. – Но кроме вас нам приказано еще двоих доставить. Командиров полков №32 и №315-ть – майоров Шитова и Лузина. Так что вы тут нас подождите вот с товарищами старшим лейтенантом и сержантом. А мы одна нога здесь, другая там. Полчаса не пройдет, вернемся.

– Вы уверены, что правильно поняли приказ, товарищ подполковник? – Михаил усмехнулся и остановил мимо проходящего лейтенанта-связиста. Тот уже откозырялся и вздохнул можно сказать облегченно, когда его окликнул майор НКВД.

– Лейтенант Павлов, – козырнул он, кося глаза в сторону уходящего в сторону Ельни взвода.

– Скажите, товарищ лейтенант, у вас только полевые телефоны во взводе или радиостанции тоже имеются?

– Имеется 11-АК, товарищ майор, но у нее, похоже, батареи сели.

– Прикажете взводу перекурить. Рацию сюда, – распорядился Михаил и лейтенант побежал догонять свой взвод. Вернулся он с двумя бойцами, прущими агрегат такой громоздкий, что Михаил даже опешил. Таких «монстров» ему видеть пока не доводилось. А солдатики забегали, разворачивая антенну и готовя станцию к работе. За все это время подполковник не произнес ни слова, только плечами передернул и сдвинул кобуру с ТТ ближе к пряжке.

Рация шипела, мигала лампочками и колыхалась стрелками. Радист, надев наушники, щелкал тумблером и орал, посинев от натуги: – Орел, Орел, я Коршун, как слышно? Прием! – и замолкал после этой фразы, шуруя в «агрегате». Подождав на приеме минуту, другую, опять орал: – Орел... – ну и так далее. Михаил взял из рук парня микрофон с тумблерами и сдернув с его ушей наушники, спокойным голосом произнес:

– Штаб фронта, живо, – микрофон послушно крякнул и выдал пару свистков, чего с ним никогда не было. Радист ошарашено уставился на свою аппаратуру, но промолчал. А из наушников раздался голос:

– Да, у аппарата, прием.

– Кто у аппарата? – спросил Михаил. – Прием.

– Штаб фронта, прием, – сообщил голос раздраженно. – А вы думали кто?

– Мы думали, что квартира всесоюзного старосты товарища Калинина, – сдохмил Михаил, приводя в замешательство своей дерзостью энкэвэдэшников. Они как-то все сразу

набычились, посмурнели и сделали по шагу назад, расширяя «кольцо». Подполковник Семенов расстегнул кобуру, а все его подчиненные потянули с плеч ремни автоматов.

– Нет, вы ошиблись – это не квартира товарища Калинина, это штаб Резервного фронта, – терпеливо ответил мужской голос.

– Хорошо, нет, так нет. Сойдет и штаб фронта. Там рядом нет случайно полковника Волкова Олега Руслановича? Нету. Ну так сбегайте и разыщите немедленно. Кто спрашивает? Бабушка его покойная с того света. Бегом! – Михаил выключил микрофон и подмигнул подполковнику:

– Сейчас позовут вашего шефа, соскучился наверняка по бабушке. Бегом прибежит.

«Соскучившийся по своей покойной бабушке» Волков, вышел на связь минуты через две и голос его был взволнован до крайности. Человек явно прибежал и схватил трубку, не отдышавшись.

– Да, я, кто? – выпалили наушники, да так громко, что солдатик-радист принялся чесать за ухом. Он и не ожидал такой прыти от «сдохших», еще вчера батарей. Они и новые столько децибелов не выдавали, а тут разорались как громкоговоритель.

– Конь в пальто, – рассмеялся Михаил. – Соболев это – майор. Скажите любезный, Олег Русланович, вы посылали за мной на передовую группу подполковника Семенова?

– Э-э-э, – растерялся Волков, поняв что на «ловца и зверь» прибежал. – Посылал. Где они?

– Они здесь. Это ваша личная инициатива? Или вы выполняли чей-то приказ свыше?

– Приказ мой, майор, – пришел в себя Волков. – Дайте сюда подполковника, – Волков наивно полагал, что кроме Соболева его никто слышать не может.

– Одну минутку, товарищ полковник. Всего пару вопросов и подполковник получит в руки микрофон. Скажите, это вы отдали приказ «Катюшам» обстрелять полк 32-ой? Вы знаете, что там погибло очень много наших бойцов?

– Я отдал приказ. Ну, погибли, знаю. На то они и солдаты, чтобы погибать, – голос Волкова наливался яростью.

– А под трибунал вы не боитесь попасть? Ведь это предательство, как ни крути. Вышак вам светит, гражданин Волков. Я бы на вашем месте прямо сейчас застрелился и не стал ждать пока подполковник доставит к вам в штаб майоров Шитова и Лузина. Они живы и дадут правдивые показания. Лузин, что не просил артподдержку, а Шитов о результатах артобстрела.

– Ты, ты, мне-е-е. Угрожаешь, сопляк, мальчишка, – заорал Волков так, что солдат-радист отпрыгнул в сторону, – подполковнику приказано с вами не церемониться, а он там видать хороводы водит. Вы все трое и до трибунала не доживете. Вас при попытке к бегству застрелят, – орал Волков.

– Слышал, подполковник? – Михаил повернулся к Семенову. – Если это не вражий голос, то чей? По его приказу уничтожен лучший полк дивизии, сотни наших бойцов сгорели. Если ты знаешь об этом и выполняешь приказ Волкова, то значит ты сообщник и тоже враг. Подчиненные ваши вряд ли в курсе, но вот вы им и объясните теперь, что за «пляски с саблями» тут происходят? Валяй, поговори с начальством, но имей в виду, если намекнешь ему хотя бы, что все тут его слышат, то пулю получишь сразу. Понял? – Семенов кивнул, он стоял багровый, а его подчиненные, почему-то перестали смотреть на Михаила, а уставились на него и во взглядах этих было что-то нехорошее, враждебное. Так люди брезгливые смотрят на мокрицу или таракана.

– Подполковник, Семенов, – доложил Семенов, взяв микрофон.

– Ты что там за либерализм развел? Хватай этого майоришку и ставь к первой попавшейся стенке. Это провокатор, дезинформатор и саботажник. В соответствии с приказом ГКО №270, подлежит расстрелу на месте. Выполняй, Семенов, и считай что орден Красного Знамени у тебя на груди уже есть. Сегодня и представлю. Бойцов твоих тоже не обижу, – голос Волкова громыал над головами проходящих бойцов и стоящих энкэвэдэшников.

– А Шитов и Лузин, с ними как?– подполковник зябко поежился под семью стволами направленными на него.

– Эти тоже провокаторы и подлежат расстрелу без суда. Они нарушили приказ командования и взяли штурмом Ельню на четыре часа раньше, без запланированной артподготовки. Расстрелять, как трусов и изменников,– решил судьбу майоров полковник.

– А за этих, что нам полагается?– неожиданно спросил Семенов, возможно что даже для себя самого.

– Тебя к званию очередному внеочередному, а бойцам премию обещаю по десять тысяч рублей и по медали «За отвагу»,– Волков не скупился.– Выполняйте и жду вас с докладом в штабе фронта.

– Товарищ полковник...– Семенов набрался наглости...– маловато за двух майоров по десять тысяч, они ведь командиры полков и медаль это несерьезно как-то.

– Хорошо, получают по ордену и по 15-ть тысяч на брата,– прибавил Волков, не торгуясь, из воинской кассы.– Жду, Семенов. Выполняй.

– Есть,– рявкнул подполковник и отключил микрофон.

– Заговор в штабе фронта. К бабке не ходи,– Михаил обвел взглядом «коллег».– Брать надо Волкова, пока следы не замел. Или вы, товарищ подполковник, сомневаетесь, после всего здесь услышанного?– Семенов дернулся, как от электротока и махнул раздраженно рукой:

– Какие сомнения? Сука! «Изменники, на четыре часа раньше победили»,– передразнил он Волкова.– Сволочь! Давай, старлей, мотай за Шитовым и Лузиным. Они главные свидетели, как ни крути.

– Передай мужикам, что майор Соболев их ждет у моста и что бы поспешили. Особенно Лузин. И не напрягайте их там. Ребята на «нерве», порвут как Тузик грелку. Корректнее. Там потери жуткие, особенно в 32-ом,– добавил Михаил и старший лейтенант, прихватив с собой одного бойца, побежал в сторону городка.

Штаб фронта обосновался рядом с деревушкой Лозинки в 4-х километрах от Ельни и через час рядом со штабными палатками, замаскированными сетью, появилась группа из десяти человек.

Лица их были сосредоточены и прошли они к палатке разведотдела фронта. Двое встали при входе, рядом с часовым красноармейцем и похлопав его по плечу посоветовали: – Не рыпаться.

Красноармеец пожал плечами и «рыпаться» не стал.

Кроме полковника Волкова в палатке оказалось еще пять человек офицеров в разных званиях и два рядовых писаря. Волков сразу понявший, по лицам вошедших, что пришли за ним, попытался оказать сопротивление и был застрелен в упор подполковником Семеновым, остальные офицеры испуганно замерли в ожидании объяснений.

Полковник Ильницкий Яков Тимофеевич являющийся начальником разведуправления фронта, выслушав их, выложил на стол свой табельный пистолет, остальные молча последовали его примеру.

– Извините Яков Тимофеевич, но этот негодяй работал явно не один,– Семенов рылся в карманах убитого Волкова в поисках улики. Улика не было и Семенов нервничал.– Придется вам потерпеть, пока все выяснится,– подполковник обнаружил в кармане убитого записную книжку размером со спичечный коробок и принялся ее листать. Деловито сунув ее в свой карман, он продолжил обыск уже не так волнуясь.

– Разрешите, товарищ подполковник,– протянул руку Михаил и Семенов удивленно на него взглянув, отрицательно дернул головой из стороны в сторону:

– Тайна следствия, товарищ майор. Не обессудьте, но таков порядок.

– Порядок? Товарищ, старший лейтенант, арестуйте подполковника и изымите у него материалы, которые он пытается скрыть,– тон, которым был отдан приказ, не позволил стар-

лею усомниться в том, что майор имеет право отдать такой приказ и ствол ТТ уперся в шею Семенова.

– Даже не вздумайте что-нибудь произнести, товарищ подполковник. Веры нынче нет ни кому. Окажетесь невиновны, первым извинюсь,– предупредил он своего начальника.

Михаил изъял у арестованного записную книжку и начал зачитывать вслух выписки из нее.

– Майор Лопата.М.Ф– 3.т.р, капитан Момонов.В.Г.– 3.т.р, подполковник Семенов.Г.Г.– 5.т.р.

Это что? Ведомость выдачи иудиных сребреников?– спросил он, прервав чтение и повернувшись к Семенову.

– Это долги он там записал. Я занимал месяц назад у него,– пояснил, не моргнув глазом Семенов.

– И так, хорошо. Дальше читаем. Ищем про Семенова.Г.Г. Вот свеженькая, вчерашняя очевидно или сегодня утром сделанная запись. С.Г.Г – в арт.див.– 6.00. А вот неделей назад запись и вовсе интересная. С.Г.Г.– почта. пл.фр.наст.– 5.т.р. Как вы думаете С.Г.Г – это кто?

– Откуда я могу знать что за эСГеГе,– сморщился Семенов все еще сидящий на корточках под стволом ТТ, упертым ему в затылок.

– Ну а уж «пл.фр.наст.», для вас и вовсе китайская грамота, гражданин Семенов Геннадий Геннадьевич должно быть?

– Естественно,– подтвердил тот совершенно хладнокровно.

– Так. А вот эта запись вам что-то говорит?– «Передано подполковнику Семенову.Г.Г. на хранение 5-ть миллионов рублей – 16.07.41.г.» Это вы как можете пояснить?

– Правильно. Только не на хранение, а под охрану. Банк эвакуировался в Смоленске и мы обеспечивали перемещение средств. Все принято и сдано как положено до последней купюры.

– Проверим. А вот это.– «Передано С.Г.Г– зол.изд.всего вес-34 кг на хранение». Это что?

– Понятия не имею. Кто это и что означает «зол.изд»,– Семенов попытался поменять затекшую ногу и облокотиться на другую, но старлей зацокал предупреждающе языком: – Ц-ц-ц,– и он замер, слегка скосив глаза в его сторону.

– Ну и последняя запись, которая может относиться к вам непосредственно. Датирована 22-ым июнем 1941-го года. В день начала войны сделана. Это знаково.– «0 час 45 мин, получена Директива № 1-н. Отправлена с п/п Селезневый.Г.Г. 3.30-ть – Начало. 3.55-ть – Эвакуация. 4.15-ть – Семенов убит. Шпрехен зи дойч, герр гауптман Кауфман?– Семенов прыгнул, перекатываясь влево, сбивая с ног двух бойцов и хватая со стола два ТТ. Выстрелить он успел из обоих, уложив наповал, попавшего ему на мушку штабного капитана и получив очередь в ноги, был нейтрализован его бывшими подчиненными.

– Вот сволочь, чуть хвосты не обрубил все, сука,– кривился от боли старлей, которого Кауфман достал кулаком в живот.– Шустрый гнида.

Перевязанный гауптман притворялся смертельно раненым, «терял сознание» и его отправили в медсанбат с двумя охранниками. В течение двух часов, следствие прошерстило весь штаб фронта, выявив десяток саботажников и еще одного агента адмирала Канариса. Абвер получал информацию о дислокации войск Резервного фронта из первых рук, что называется.

Получивший обратно свой пистолет, полковник Ильницкий, занялся экспресс-допросами арестованных агентов и их пособников, то краснея, то бледнея от их откровений.

Никто из них не упомянул генерала-лейтенанта Богданова и Михаил понял, что нарвался не на саботаж, а в лице последнего, на примитивный дубизм и бездумное выполнение приказов.

Человек явно был попросту не на своем месте. От того-то и торчал в вечных замах, изредка замещая выбывших командующих и снова уходя в замы, после назначения очеред-

ного. Он так и довоюет в вечных заместителях, то одного командующего армией, то другого и погибнет от ранений в 1942-ом. Честный служака, он просто выполнял свой долг, как умел и понимал. К его чести нужно сказать, что он не воспользовался оказией и не улетел из окруженной немцами армии на самолете, а прорывался с ней с боями и был ранен в бою. Богданов Иван Александрович лежит в Твери в братской солдатской могиле и уже одним этим обстоятельством достоин того, чтобы поминая его, всякий русский человек снял шапку. Сотни генералов РККА легли в землю за годы Великой Отечественной и большинство из них честно выполнили свой долг. Сегодня, когда идет переоценка ценностей, когда открываются трагические обстоятельства тех лет и даже предателей явных пытаются объявить чуть ли не «борцами за счастье народное», следует четко разделять, тех кто воевал и тех кто предавал. Предавали не Сталина. Сталины приходят и уходят. Предавали Родину. И патетика тут уместна.

Когда генерал-лейтенанту, разбитой в Гражданскую войну большевиками Белой Армии, Деникину Антону Ивановичу гитлеровцы предложили сотрудничать с ними, он отказался и призывал к этому же всю эмиграцию. А когда ему привели в пример Власова, как борца с большевизмом и сталинизмом, то он ответил, – "В отличие от него, я им не служил"!!! Деникин понял и увидел разницу между Родиной и Государством. И когда от Государства зависит спасение Родины, тогда предавать Государство нельзя, кто бы не управлял им в это время. Этой разницы не хотели видеть и не понимали тухачевские, жуковы, власовы, хрущевы и многие к сожалению еще. Это черный список и когда звучат имена из него, то шапку снимать рука не поднимается. Хочется плюнуть.

Первого, второго и третьего сентября немцы подтягивали к окруженной дивизии 109-ой свои последние резервы, а бойцы этой дивизии без продовольствия, без боеприпасов, без поддержки с воздуха, зарылись в болотистую землю и гибли сотнями под обстрелом немецкой артиллерии и от авиационных налетов. Командующий фронтом разрешил выходить из окружения и полученный от него приказ был передан всем оставшимся подразделениям. Решено было ночью, с третьего на четвертое пробиться через пехотную дивизию Вермахта и для этого сосредоточиться севернее Костырей. Практически все оставшиеся в живых были ранены и не могли унести с собой всех тяжелораненых. Приходилось надеяться на «человеколюбие» немцев. Лучше всего обстояли дела в дивизии на правом ее фланге, где пока хватало боеприпасов и они даже делились патронами с соседями. Гранат немецких пока тоже было достаточно и дивизия стояла благодаря этому пока, не оставляя позиций и не сдаваясь в плен.

В овражке, утром первого сентября был обнаружен небольшой склад ГСМ с бочками солярки, всего тонну нашли в 200-х сот литровых бочках и заправленные ей два Т-34-ых, готовы были к ночному штурму немецких позиций. От дивизии осталось боеспособных бойцов процентов 25-ть и пробиться к своим шансы были минимальными. Только сконцентрировав их на коротком фронте появлялась такая возможность. Из старших офицеров дивизии в живых оставался еще зам. командира дивизии полковник Урбан и командир полка 219 батальонный комиссар Лебедев. Жив был и Казначеев, командовавший теперь обороной в центре. На Сергее повис правый фланг и человек двести красноармейцев с надеждой на него поглядывали, сердцами чувствуя, что этот свой и никого не бросит. Лежачих и совершенно беспомощных среди раненых не было, благодаря своевременным перевязкам с мазью, и Сергей не думал кого-то здесь оставлять.

Атака началась в три часа и начали ее Т-34-ые, с нашлепнутыми «Завесами» на броне. Подчинявшиеся Сергею танкисты, получили от него приказ утюжить немецкие окопы по всей линии фронта и лейтенант Ефремов, раненый в руку, с помощью экипажа влезавший в люк, радостно улыбался, будто шел не в бой, а на гулянку ехал в соседний колхоз.

– Протюжим сволочей, не сомневайтесь, товарищ майор. До встречи у своих.

– Вы там повнимательнее, мы следом рванем, нас не предадите, – крикнул танкистам Сергей и махнул рукой. – Заводи, – двигатели взвыли и два Т-34-х поползли на позиции 267-

ой пехотной немецкой вперемешку с 23-ей, удивляя наблюдателей. Дождавшись, когда танки доползут до немецких позиций и с ревом развернутся влево и вправо, давя и сминая наспех вырытые щели и траншеи, сто девятая молча поднялась и двинулась к ним, наплывая темной тенью безмолвной и страшной. Гренадерам, оставшимся в живых после этого ночного прорыва, долго потом будут сниться эти свалившиеся им на головы сначала танки, а потом русские красноармейцы. В бинтах и сверкающие трехгранными штыками на своих винтовках. Почти без выстрелов, оборону немцев смяли на ширине до километра. Пройдя за два часа оставшееся расстояние до своих, проломили еще одну линию, восстановленную немцами после прорыва 30-го августа. Вышли и вынесли почти всех раненных, сохранив знамена полков и дивизии. Сохранив два танка и притащив с собой штук сорок немецких пулеметов МГ и пехотных переносных минометов десятка два.

Узнавший о прорыве немецких линий, командующий фронтом только что днем утопивший танки в болоте и снявший с командования армии генерала Селезнева, сунулся сюда со своим замом Богдановым, чтобы лично возглавить удачную операцию. Дивизия вышла вполне успешно, но ее всю нужно было отправлять в медсанбат и командующий психовал по этому поводу. Погнать людей на позиции, раненых и голодных, даже он не посмел и приказав своему заму готовиться к очередному прорыву, укатил в Ельню, где освободившая городок 19-я дивизия вполне могла стать тем самым стратегическим резервом, который был ему так необходим здесь в 43-ей армии. Прибыв в городок и узнав на КП 19-ой, что буквально пару часов назад целый полк этой дивизии попал под огонь собственной артиллерии и понес ощутимые потери в живой силе, Жуков снял с должности комдива с начальником штаба, понизил в должностях оставшихся в живых командиров 315-го и 32-го полков и даже хотел отдать под арест обоих, но потом передумал, так как офицеров не хватало, а сидеть под арестом «ЭТИ», во время боя, просто не имели право. Остаткам дивизии, под командованием очередного назначенного комдива-майора он приказал выдвигаться скрытно на южный фланг и поступить под командование Богданова.

Четвертое сентября ушло на передислокацию и пятого утром в 7.00 43-я опять пошла на прорыв, устилая трупами красноармейцев смоленскую землю. Хватило остатков 19-ой, 109-ой и 211-ой дивизий на две атаки. В ночь на пятое Жуков отстранил Богданова от командования армией и поставил нового генерала – Собенникова.П.П.

Петр Петрович Собенников, получив под начало потрепанную армию, приказал атаки прекратить и потребовал у командующего фронтом пополнения и боеприпасы. Жуков, не привыкший к ультиматумам, вынужден был, скрежеща зубами, дать пару дней армии на доукомплектовку боеприпасами и живой силой. Чехарда, которую он устроил с кадрами, надоела не только ему самому, но уже вызвала раздражение и в Ставке. Он уже собрался отправиться в Москву с докладом и какие либо операции вообще-то считал сейчас бессмысленными, но специально задержался на день, чтобы позлорадствовать над вновь испеченным командующим и своими глазами увидеть его позор. Каково же было его удивление, когда этот выскочка, нарушая все мыслимые положения боевых уставов, начал атаку не в 7.00, как все нормальные люди вместо завтрака, а ночью в четыре часа и вышвырнул немцев из их окопов за Страну, пройдя за два часа все те же пресловутые 12-ть километров. Для немцев это стало шоком и они вынуждены были ослабить северный фланг и отступить там еще на шесть километров, выравнивая линию фронта и перебрасывая освободившиеся дивизии против прорвавшейся 43-ей. В результате тяжелых боев 8-го и 9-го сентября им удалось выдавить обнаглевшую 43-ю армию обратно к Десне и закрепиться на прежних позициях. Жуков довольно ухмылялся, слушая доклады с северного выступа, где пока наступило затишье. Что-то победное просматривалось во всей этой свистопляске вокруг городка и ему уже было что доложить. – «Трудно, с кровью, героически, но выбили немецко-фашистских поработителей с советской земли», – поэтому появившийся в штабе фронта, заляпанный с ног до головы грязью, генерал-лейтенант

Собенников Петр Петрович, высказавший ему все что он про него думает, не выбирая выражений, привел Жукова в ярость. Орали они друг на друга, как два ямщика и чуть не дошло до мордобоя, оттащили Собенникова, который рвался к Жукову и самое ласковое слово было «шкура», из всех что он произнес, к нему обращаясь.

– Ты зачем шкура.-пи-пи-пи. Бросил пи-пи-пи армию на убой пи-пи-пи-пи-пи-пи? Орал Собенников.– За каким хреном?

Жуков конечно не обязан был отчитываться перед командующим армией, да еще позорно дважды отступавшей, что он и высказал все с теми же пи-пи-пи.

В итоге судьба генерал-лейтенанта сложится в ближайший месяц не совсем благополучно – это если мягко сказать. А если сказать откровенно и просто, то сложится она у него хреново. Через месяц -16-го октября его арестуют, разжалуют, лишат всех наград и посадят на пять лет. Георгий Константинович был злопамятен и при первой же возможности нагадил ему. Верховный Совет примет ходатайствование о помиловании и судимость с генерала снимет в следующем году, в 1942-ом. Понизят в звании до полковника и в феврале месяце он опять будет в армии. Дойдет до Берлина и вернет свое звание генерал-лейтенантское. А в сентябре 1941-го, его держали пятеро и он тянулся к кобуре, чтобы пристрелить мерзавца, за идиотские приказы. За погибших бесполезно тысячи парней. Его бойцов, с которыми он прошел туда и обратно по колено в крови и теперь хотел внятно услышать. Зачем?

Ответов у Жукова не было. Он похоже никогда особенно не задумывался заранее, зачем посылает людей на смерть, справедливо рассудив, что причина всегда отыщется потом. Когда человек мыслит в глобальных масштабах, разве может он вникать в мелочи? Нет, конечно. Ну, десять тысяч человек легло еще в землю, ну поползут двадцать тысяч без конечностей по городам и весям, это много или мало для такой страны как Россия? Бабы нарожают еще. Так что зря орал, психанувший генерал-лейтенант. Сидел бы в своей задрипанной 43-ей молча, глядишь Георгий Константинович иначе бы составил рапорт в Ставку и не на нары бы загремел, а получил бы орден. Все же, если по справедливости, то каб не 43-я, так и победы бы не было. Это она отвлекла на себя все резервы немцев, уничтожила пять их дивизий вместе с танками и артиллерией. Это она прошла с боями почти сорок километров если мерить туда и обратно все перемещения, тогда как двадцать четвертая армия топталась на месте, увязнув в Ельнинском котле. «Язык твой – враг твой»,– думал Жуков, улетаая в Москву.

Сергей с Михаилом встретились в Ельне у здания вокзала. Оба вымученно улыбнулись, оглядев друг друга.

– Ты что в болоте ночевал?– Михаил хлопнул друга по подставленной ладони.

– Блин, спроси где я за прошедшую неделю не ночевал. А что есть приходилось и где, вспоминать не хочется. Какие планы?

– Здесь еще денек мне нужен чтобы с парнями из 19-ой попрощаться, я им обещал, что забегу. Ну и наградные списки пробить хочу. Сейчас не особенно их составляют, но попробую. Под решение Верховного о присвоении гвардейских наименований отличившимся дивизиям. Массовый героизм и все такое. Думаю, что прокатит. Потом на Юг. Там две установки нужно нейтрализовать. А ты что уже устал?

– Если честно, то зверски. Народу, Миха, у меня на глазах столько погибло, что спать не могу.

– У меня тоже. Но паузу делать нельзя, нужно закончить и тогда возвращаться.

– Не понимаю почему? Смотаемся домой, приведем себя в порядок и вернемся хоть через год в завтрашний день.

– Нельзя, потому что мы уже в форс-мажоре второй день и уйти не можем. Только через «харакири». Весь сентябрь такой, октябрь пополам, потом ноябрь опять весь форс-мажорный. Нужно подумать, как нам на Юг в темпе попасть. Безлошадные мы с тобой, Серега. Отправил

я «Троянов» перед началом операции и теперь обратно их тоже не выдернуть. У тебя как с аккумуляторами к «Оспе»?

– Пусто. Все израсходовал. А у тебя?

– У меня еще один есть.

– Значит «Рапиры» и «Перфы»?

– Браслеты забыл? У меня два под завязку заряжены.

– Ну, у меня все четыре пока в порядке. Кроме патронов и солярки ни на что не тратил.

А у тебя куда два ушло?

– А я наоборот керосин авиационный из самолетов Люфтваффе убирал с их помощью.

– Как это?– Сергей взглянул на него удивленно.

– Что уставился? Ты солярку где брал?

– Понятно где, на фронтовом складе ГСМ.

– Значит, там убыло. Ну а я из топливных баков керосин брал и... В общем сливал на землю. Некогда каждый раз было подумать, куда складировать.

– На травку?– ужаснулся Сергей.– Варвар. Расти теперь в местах слива пару лет не будет. Нанес ущерб народному хозяйству Рейха. А мне почему-то в голову такая диверсия не пришла. Может и не смогу так.

– Если смог бочки с соляркой выдернуть со склада ГСМ, то почему не сможешь из баков убрать?– пожал плечами Михаил.– Вон Юнкеры в сторону Москвы пошли, попробуй.

– Высоковато,– засомневался Сергей, подняв голову и рассматривая крестики самолетов, плывущие на предельной высоте в осеннем сером небе.

– А мне без разницы, если есть визуальный контакт. Надень два браслета,– Михаил щелкнул уже привычно пальцами и два Юнкера нырнули резко вниз, заваливаясь в штопор.

– О как!– Сергей поспешно надевал браслеты боясь, что не успеет и эскадрилья бомбардировщиков скроется в пелене облаков, наплывающих с востока.

– Кампфгешвагер – бомбардировочная авиация. Чего телишься? Смоются сейчас,– Михаил зацепил еще два звена по три самолета и они понеслись к земле с воем. Летчики пытались вывести машины из пике, но это им не удалось и шесть взрывов почти одновременных раздались у горизонта изломанного лесом. Оставшиеся восемь самолетов пытались укрыться в облаках, будто понимая, что там у них будет больше шансов выскочить из «черного коридора», но рухнули минутой спустя, следом за предыдущими.

– Так просто?– удивился Сергей.– А я дурак на эти железки летающие пару аккумуляторов извел. Зря выходит?

– Из «Оспы» еще и попасть нужно, в отличие от М.Э. Увидел, считай что уже попал.

– Лихо. Да мы тут с тобой постоим и всю «Люфтваффе» Геринга в штопор пустим.

– На всю у нас браслетов не хватит. Самолетов у Адольфа пока еще хватает. Особенно на Южном фронте. Там аномалия на аномалии. Я карту внимательно просмотрел, сплошные пятна. Вляпаемся в одно и все, забудь про браслеты. Обнулятся. То есть можешь на них не рассчитывать особенно. Нам еще предстоит выяснить где аппаратура с крысами размещена.

– А это не сложно. Где наши активнее отходят – там, значит, и они.

– В том-то и дело, что весь фронт движется непрерывно с 22-го июня. Отдельные кратковременные очаги сопротивления. Сейчас интенсивно под Мелитополем отходят. Рванем туда. Вопрос на чем?

– Понятно на чем. На самолете «Люфтваффе». Сам говоришь у них пока полно самолетов. Пошли в штаб фронта, разберемся с писарями в наградном отделе и нефиг тут торчать больше.

Михаил молча достал из кармана гимнастерки лист бумаги и сунул его Сергею.

– Вот список людей. Смотайся один в штаб, а я к своим в 32-ой. Попрощаюсь и встречаемся здесь же, часа через три.

– Хорошо. Пока,— Сергей махнул рукой проезжающей мимо полуторке и вскочив на подножку, крикнул:

– В шесть вечера, не опаздывай.

Глава 4

Самолет «угнали» с аэродрома в Смоленске. Выбрали все тот же Юнкерс-52/3 м– «Железную Анну» или «Индюшку», как ее прозвали в Испании.

Сели и улетели до смешного просто. Можно сказать, что и не угнали, а просто подсели в виде пассажиров на уходящий борт. Передислоцировалась авиационная дивизия в район Киева и в четко организованном немцами бардаке – это оказалось не сложно. «Индюшка» летела в составе пары эскадрилий Мессеров и Хенкелей, так что Сергею почти на все три часа перелета хватило развлечения с браслетом. Самолеты падали с периодичностью такой, что после третьего командование Люфтваффе забеспокоилось и заполнило эфир воплями. Обнулившиеся в первой же аномалии браслеты, спасли эскадрильи от полного разгрома. Потеряв до 50-ти процентов самолетов, немцы нервничали и приземлившись на полевом аэродроме, кинулись обниматься, приводя проявлением фронтового братства двух штурмбанфюреров в умиление.

– Жаль браслеты сдохли рано,– вздохнул Сергей, закуривая сигарету.– Только во вкус вошел, блин. Где это мы находимся?

– Недалеко от Киева. Ближайший населенный пункт Крени. До Киева 60-т километров по прямой. Здесь и начнем следствие по розыску «крыс». Для начала заявимся в штаб армий «Юг» в гости к Карлу Рудольфу Герду фон Рундштедту – Генерал-фельдмаршалу. Он сейчас командует «Югом». Где-то рядом находится. Это сначала выясним и вперед.

– А может сначала где-нибудь пообедаем? Вон, я смотрю, летчики поперлись с рожками довольными. Наверняка в столовую. А «Люфтваффе» Геринг, я слышал, кормит по самой высокой категории.

– Пошли, перекусим, что там Геринг послал,– согласился Михаил и они направились через летное поле в сторону ангаров и палаток. С той стороны несло дымком и летчики шли именно в ту сторону, оживленно разговаривая на ходу. Михаил прислушался к группе из трех офицеров, которая шла в пяти шагах впереди.

– Ганс, ты зачем погнался за этим грузовиком русским? Бедный Иван наложил в штаны, а ты еще и по полю его погонял. Керосину сжег столько за два захода, что этот Иван уже свою медаль заслужил героическую с танком. За отфага.

– Этот ненормальный еще и из винтовки стрелять начал, попал в колпак. Теперь дырка,– откликнулся Ганс.– Это стрелок Курт, заявил, что попадет с одной очереди в эту фанер-ваген.

– Попал?

– Не понятно, но раз выскочил Иван и из винтовки палить начал, наверное попал. Чем сегодня нас удивит Густав?

– Обещал ребрышки по-баварски. Парни из хозвзвода стадо свиней взяли. Большевики бросили. Не успели уничтожить.

– Как они их уничтожают? Я не видел ни разу?– заинтересовался Ганс.

– Просто, как все у русских. Без особых затей. Штыками колют, сваливают в кучу и обливают горючкой. Поджигают вместе со свинарником и уходят. Все взрывают, жгут. Говорят, сам Сталин приказал.

– Мерзавец. Ни себе, ни людям,– возмутился Ганс.

Столовая для офицеров «Люфтваффе» обосновалась в рощице и натянутые брезентовые полотнища, заботливо прикрыты были сверху маскировочной сетью и даже ветки не поленились солдатики аэродромной службы наломать и в ячейки натолкать. Столики раскладные стояли на аккуратно разровненной площадке и такие же раскладные стулья, серо-зеленого цвета, несколько портили впечатление, но зато на каждом столике приборы были совершенно ресторанные и даже салфетки имелись.

Дымились кухни полевые и повара с кухонным нарядом, торопливо накрывали на столы, завидев подходящих к столовой летчиков.

Сергей с Михаилом уселись за свободный столик, которых здесь было пару десятков и половина из которых пока пустовали. Эскадрильи работали и обедали в сменном режиме. С ревом уходили в небо очередные звенья и возвращались из боевых вылетов бомбардировщики и истребители прикрытия. Машины выруливали на взлетные полосы и закатывались в капониры с периодичностью хорошо отлаженного конвейера. Заправщики и транспорт с боеприпасами мотались от одного борта к другому и группы обеспечения, сутились вокруг машин. Механики лезли в движки и суэта эта была наполнена деловитой размеренностью. День выдался теплый и небо радовало синевой, сидящих за столиками немецких летчиков. Армия наступала, русские сдавались в плен тысячами и конец войны виделся совсем не за горами. Настроение поэтому у всех летчиков было приподнятым, слышались шутки и смех. Столик рядом со штурмбанфюрерами заняли четверо офицеров «Люфтваффе» с лицами почему-то кислыми. Покосившись на эсэсовцев, они молча закурили все четверо.

– Из-под Смоленска видать прилетели,– предположил Сергей шепотом.– Вишь рожи какие серьезные? Может, случилось по дороге что-нибудь? Ты не видел?

– Ничего такого особенного, вроде бы. Половина самолетов успешно приземлились и если не считать упавших без топлива, то все остальное вроде бы нормально было, с чего бы пессимизм такой на лицах?– удивился Михаил, наблюдая за рядовым солдатиком в переднике, расторопно сервирующим стол.

Ребрышки по-баварски повару удались и лица угрюмые, сидящих за соседним столом летчиков, несколько прояснились, по окончании обеда. Даже улыбнулись пару раз, благодаря обслугу.

– Скучный народ,– критически окинул взглядом столовую Сергей.– Они даже воют, как работают. Романтики никакой. Небелунги. Бестии белокурые.

– А ты хотел, чтобы они тут тирольские песни распевали? У нас тоже на балалайках в перерывах между боями не наяривают и кадрили не отплясывают.

– Отступают потому что. Наступать начнут, тогда запляшут,– возразил Сергей, распечатывая последнюю пачку сигарет.– Проблема номер один назревает,– заметил он, закуривая.

– Придется курить местный табачок. Дойчланд снабжает армию какой-то дрянью, как-нибудь перетерпишь пару дней.

– Пару? Хорошо если пару. Пару я потерплю. Под Смоленском ты тоже собирался все быстро повернуть и что в результате? Проторчали как идиоты две недели и чего спрашивается?

– Здравствуйте, герр штурмбанфюрер. Кто настоял?

– Я разве? Последствия контузии, не иначе. Рядом снаряд рванул, думал оглохну совсем. Два дня ни черта не слышал. Но там у меня возможность пополнять табачные ресурсы была, а здесь... Что-то не нравится мне тут местность. Скучно, небо безоблачное опять же. Летчики вон ржут, как кони на выпасе. Сейчас бы озадачить их чем-нибудь, чтобы жизнь пасекой не казалась. Руки чешутся.

– Спрячь свои руки подальше, пошли в штаб дивизии. Там все разузнаем про этого Рундштадта Карла и начнется у тебя жизнь веселая,– Михаил расспросил летчиков как пройти в штаб авиагруппы и штурмбанфюреры отправились в соседнее село, с названием поэтическим – Романьки.

Оно находилось в двух километрах и найти дорогу к нему оказалось не затруднительно. В этом районе при советской власти наверняка перевыполнили план по лесозаготовкам, потому что леса как такового практически не наблюдалось. Жидкие рощицы и поля не убранных зерновых, которые местами выгорели, но проплешин черных было не так уж и много. Зерна сыпались из подсыхающих колосьев и никому до них не было дела. По дороге проселочной, с

довольно интенсивным движением, изогнувшейся дугой и поворачивающей в сторону Киева на юг, парни дошли до Романек за полчаса и вышли на его околицу, забитую войсками Вермахта. Село было так же запружено войсками и рядом с селом, за наспех натянутым проволочным ограждением на корявые столбы, сидели несколько тысяч пленных красноармейцев.

Проходя мимо Михаил пристально вглядывался в их запыленные, грязные лица и взгляды исподлобья в ответ, убеждали его, что многие тут не сдавшиеся, а именно попавшие в плен. Охраняли пленных не особенно старательно и Михаил даже увидел, как впереди кто-то прополз под колючкой и скользя ужом, нырнул в неубранную рожь. Это днем. Ночью, очевидно, можно было сбежать еще легче. Солдаты Вермахта, временно выполняющие обязанности конвойных войск, сквозь пальцы смотрели на то, как стайки женщин подходят к проволоке и расспрашивают сидящих русских солдат о своих мужьях и сыновьях. Пресекались только попытки собираться в слишком плотные кучки: – Хальт! Вег! – орал немец караульный и делал профилактический выстрел вверх. Женщины испуганно отбегали от проволоки, а солдаты рассредоточивались на вытоптанной площадке, размером с футбольное поле. Саперы немецкие неторопливо сколачивали угловые вышки, задействовав пленных для переноса пиломатериалов, которыми разживались в садах местных жителей и разбирая для этих целей встречающиеся деревянные строения. В основном домишки были из саманного кирпича и выбеленные, они вызывал своей убогостью, презрительные улыбки у немцев. Женщины совали узелки с продуктами в протянутые руки пленных и уходили, не найдя своих близких. Уходили со скорбными лицами одни, приходили другие и пленные пока худо-бедно, за счет этих милостыней, существовали. Немцы кормить пленных не собирались, заявив что Сталин отказался чего-то там подписать и все претензии к нему «отцу народа». Тем более в таких количествах. Вермахт сам кормился за счет местных ресурсов, перейдя государственную границу и заниматься еще и снабжением пленных для него было обременительно. Эти люди сейчас были не нужны никому. Ни товарищу Сталину, ни фюреру.

Первый от них отказался, объявив дезертирами, второй отказался признать людьми и даже скотом, пригодным для чего-либо в хозяйстве Рейха. И все они были обречены здесь на медленную, голодную смерть. Именно в этих лагерях, как нельзя лучше проявилась суть большинства людей, плывущих по течению и надеющихся на то, что как-нибудь обойдется и само собой устроится. Сначала человек шел покорно по повестке в военкомат, позволял себя обрить налысо и одевал гимнастерку. Потом он бежал в атаку и оказавшись в окружении, сдавался в плен. Потом он сидел на заднице, в ожидании последующих событий, вот в таком лагере полуголодный, пока не появлялись зондеркоманды и не устанавливали пулеметы на вышках, самими этими людьми и поставленными. Женщин подпускать к ограждению переставали и начинался голод. Голод и жажда, сводящие с ума. И большинство не выдерживали, теряя человеческий облик. Немцы швыряли им дохлых собак, а порой и живых, слегка оглушив и люди рвали их на куски руками, растаскивая требуху и вырывая ее друг у друга из рук. Русише швайне, – плевались немцы, которые и мысли не могли допустить, что их арийская гордыня, помещенная за колючку, выдержит ровно столько же, сколько и у этих унтерменш, соревнуясь с пустым желудком.

Михаил вспомнил из прочитанного о вот таких лагерях временного содержания, которых было в 41-ом тысячи в тылу наступающего Вермахта, что везде события развивались по одному сценарию.

Люди терпели несколько дней без пищи и воды, потом начинали роптать и выбрав представителей, отправляли их к офицеру командовавшему охраной лагеря с вопросами. А дальше происходило почти всегда одно и то же. Охрана в лучшем случае просто посылала делегацию куда подальше и отгоняла ропчущую толпу выстрелами. И тогда люди наконец-то начинали понимать, что каждый теперь сам за себя... И умирали голодной смертью, теряя человеческое достоинство. Именно в таких лагерях набирал свою армию генерал-лейтенант Власов. А. А. Их

строили, еле стоящих на ногах от слабости и предлагали вступать добровольцами в РОА, чтобы бороться с ненавистным сталинским режимом. Они и сытые были некоторые согласны вступить в эту РОА, а голод это количество увеличивал на порядок. Поэтому Власов так уверенно заявлял, что соберет без особенных усилий армию в несколько миллионов человек. Спасителем себя считал этих людей, предлагая им предательство. Почти во всех лагерях случались голодные бунты, спонтанные и заканчивающиеся всегда одинаково. Доведенные голодом до крайнего отчаяния, пленные бросались на охрану с голыми руками и гибли тысячами от пулеметных очередей с вышек.

Именно эти бунты, а так же обращение с протестами советского правительства к мировой общественности, заставили руководителей Третьего Рейха распорядиться о снабжении этих лагерей продуктами. Начали варить баланду, ту самую, которую упоминают во всех кинофильмах и книгах. Эти, сидящие за колючкой под Романьками были еще «свеженькими», голодными, но еще не истощенными настолько, чтобы переть на пулеметы. Они еще кучковались, очевидно, находя сослуживцев и земляков, но глаза их уже поблескивали нетерпением и озлобленностью. Еще пару дней и они выберут солдатский комитет, который потащится к коменданту с петицией и скорее всего будет расстрелян. Тогда либо бунт и смерть от пуль, либо мучительная смерть от голода. Другой альтернативы командование Вермахта им не предложит, сдав на руки СД с системой айнзатцгрупп и зондеркоманд. В результате из попавших в плен, выживет один из пяти... Чтобы ответить перед советским правосудием. Родина спросит не менее сурово, в лице сталинской администрации и через десять лет после войны уже трудно будет встретить бывших узников гитлеровских и сталинских лагерей среди живых. Эти люди, сидящие сейчас на пожухлой осенней траве, не знали о своей судьбе и их лица выражали обыкновенные человеческие чувства. Глаза смотрели с любопытством, враждебно, презрительно, подострастно. С надеждой. Но черная тень уже упала на эти лица, превратив в безликую массу, обреченную и жалкую. У всех у них были матеря, ждущие писем, жены, невесты, дети, братья и сестры. Россия. Она смотрела на Михаила из-за колючей проволоки, натянув на уши красноармейскую пилотку и подняв ворот шинели, без погон и хлястика.

У ворот, сколоченных из жердей и перетянутых колючкой крест-накрест, толпилась прибывшая только что очередная партия пленных, проходящая стандартную процедуру регистрации. Сидящий на табурете писарь-фельдфебель записывал очередного кандидата в покойники, требуя предъявить красноармейскую книжку и красноармейцы стояли в колонну по три с приготовленными заранее белыми картонными сталинскими ауйсвайсами, в которых для рядовых даже и фотография не предусматривалась. Конвой курил, расслабившись и уже привыкший к покорности этой серой массы, терпеливо ожидая окончания тяготомной процедуры, предусматривающей даже подпись пленного в последнем столбце. Красноармеец ставил крест в этой графе, получал порядковый номер взамен красноармейской книжки и вливался в толпу таких же пронумерованных. Шел, разыскивать знакомых и земляков, переступая через протянутые ноги и тела. А его красноармейская книжка летела в ящик из-под снарядов на тысячи изъятых прежде, потрепанных и совсем новеньких. Этот человек переставал быть таковым, пропадая без вести по терминологии военного времени.

Увидев подходящих двух офицеров СС, конвой вытянулся по стойке смирно, рывкнув на пленных и те не поняв команды произнесенной на немецком: – Руи, – тем не менее, замерли, вытянув шеи в сторону подошедших эсэсовцев, им все еще было в новинку и в любопытство. Выскочивший из ворот обер-лейтенант, вскинул руку и доложил, как положено, преданно тараща синие, арийские глаза. Здесь пока распоряжался Вермахт, оторвав от своего организма целый взвод пехоты.

Михаил махнул рукой, скривившись недовольно и спросил обер-лейтенанта:

– Скажите, герр обер-лейтенант, каковы дальнейшие мероприятия запланированы вами в отношении контингента поступающего в этот лагерь?

– Не могу знать, герр штурмбанфюрер. Жду указаний. Пока таковых нет. Наша задача, обеспечить охрану, пока пленные не будут переданы в ведомство военной полиции – СД.

– Питание вы, я вижу, также организовывать не собираетесь?

– Не имеем возможности, герр штурмбанфюрер,– обер-лейтенант продолжал «есть глазами» начальство.

– Возможность придется изыскать, герр обер-лейтенант. Мы гуманная нация, в отличие от этих недочеловеков и подписали все конвенции. Проявите солдатскую смекалку. Вам необходимо превратить этот лагерь из концентрационного в фильтрационный. Слушайте задачу. Всех пленных, немедленно разогнать к чертовой матери. Пусть русские сами кормят своих соотечественников, не пожелавших воевать. Вермахт не может тратить силы и средства на их охрану и содержание. Пусть убираются на все четыре стороны, с условием не путаться под ногами наступающей германской армии. Выдать всем временные аусвайсы, с печатью и пусть катятся ко всем чертям. Выпускать по три человека, вон в ту сторону,– Михаил ткнул пальцем в сторону жиденькой рожицы, на краю поля.– Пока первая тройка не отойдет вон к тому лесу, следующих не выпускать. Не хватало нам еще толп этих на дорогах. Выдавать каждому стандартный армейский сухой паек и гнать в шею. Пусть расходятся по домам и работают, раз воевать не хотят. Вам понятна поставленная задача? Директива подписана самим фюрером от вчерашнего числа за номером 1409/41. Мне думается весьма своевременно позаботился фюрер о решении этого вопроса и как всегда решение принял гениальное. Хайль Гитлер!

– Хайль!– обрадовался обер-лейтенант и тут же озабоченно наморщил лоб. Задача обеспечить пленных питанием и выдать суточный запас продуктов, отпуская, ему показалась невыполнимой и он набрался смелости спросить:

– Герр штурмбанфюрер, с продовольствием проблема. Имеющееся в наличии, предназначено для своих нужд.

– Разрешаю, для выполнения задачи, изымать продукты из проходящего мимо транспорта. Того, что движется с востока. Выставить патруль и группу осмотра. Излишки, не обозначенные в сопроводительных документах, считать трофеем принадлежащим Рейху и использовать для снабжения пленных русских. Изымайте все, что посчитаете нужным, для выполнения поставленной задачи.

Обер-лейтенант – парень сообразительный, моментально смекнул, какой уровень официального мародерства ему только что предоставлен и гаркнув: – Яволь,– приступил к выполнению поставленной задачи с истинно арийской расторопностью. Его гренадеры так же обрадовались предоставленной возможности слегка потрясти «тыловых крыс» и принялись за это со всем усердием. В первом же грузовичке остановленном ими, были обнаружены незадокументированные грузы и из кузова полетели на обочину коробки с сухим пайком и мешки с пшеном. Сопровождающий колонну из пяти таких грузовиков гауптман был вежливо послан сначала к чертям собачьим, а потом к штурмбанфюреру, когда он стал настаивать на выдаче ему каких-то расписок и официально принять груз.

Гауптманом занялся Сергей, выпотрошив его при содействии двух солдатиков Вермахта до исподнего и обнаружившего в личных вещах очень много интересного. В том числе несколько сотен тысяч советских рублей с лицом их большевистского вождя на купюрах. Сергей совал купюры в лицо гауптмана и тот трясся осенним листом, проклиная себя за строптивость несвоевременно продемонстрированную.

– К большевикам собрался перебежать?– орал на него Сергей.– Для этого деньги припас? Расстрелять,– приказал он солдатам и те растерянно затоптались рядом с гауптманом. За такую мелочь, как трофейные деньги, можно было расстреливать каждого второго. Командование, через офицеров постоянно объясняло, что денежные знаки советские выбрасывать и уничтожать не следует, что используя их, Рейх наносит экономический ущерб большевикам. Рекомендовалось их сдавать в полковую сберкасса и даже был назначен обменный курс на

оккупационные марки. Но многие солдаты не торопились это делать, справедливо полагая, что раз рубли в обороте сохраняются, а они на территории России, то возможно им они еще понадобятся при расчетах с местным населением. И вдруг «расстрелять».

– Что замаялись? У самих рыло в пуху? Ладно отставить. Пшел вон отсюда, мерзавец, – рявкнул Сергей и гауптман, подхватив свое барахло, запрыгал в сторону грузовиков, крестясь и поминая всех святых, которых ему удалось вспомнить.

Пяти выпотрошенных грузовиков обер-лейтенанту показалось недостаточно для выполнения задачи и он продолжил разрешенный ему разбой, распорядившись варить для пленных пшенку и одновременно начинать их выпроваживать с территории лагеря. Мобилизованные для нужд лагеря три полевые кухни, кстати проезжавшие мимо, в сторону, правда, фронта, дымили трубами и распространяли вокруг запах солдатской каши. Пленные, услышав что их собираются отпускать, да еще и документ какой-то выдав, не верили своим ушам и столпились у выхода из лагеря. Поверили, когда первая тройка, получив аусвайсы, сухие пайки и котелок каши на троих с ложками, умотала в сторону роши. В руки им сунули еще и по буханке хлеба, который к радости обер-лейтенанта был обнаружен его подчиненными в следующем «караване». Хлеб был недельной давности и им можно было убить, если ударить по голове, но пленные не привередничали и это обер-лейтенанта так же радовало. Русские, как он заметил, вообще народ не прихотливый. Штурмбанфюреры, проследив за начальным этапом фильтрационных мероприятий, наконец-то ушли в штаб 4-ой воздушной армии, пообещав заглянуть через пару часов и обер-лейтенант с резкой фамилией Багонетт – штык, тут же принялся доказывать что не зря ее носит. И что он не только на фронте умеет выполнять поставленные перед ним командованием задачи, но в любом месте. День этот у обер-лейтенанта был самым удачным с первого дня этой Восточной компании. Ему, правда везло, и ранений он пока с контузиями не получал, но вот так проявить свою власть ему довелось впервые и это ему откровенно нравилось. Исключительно для успешного выполнения поставленной задачи, он тормозил автотранспорт и тряс трофейщиков – крыс тыловых со всем усердием конфисковывая для нужд лагеря все, по его мнению, необходимое. К его удивлению транспорт двигался с востока набитый битком, а сопровождающие его тыловики объясняли это тем, что не хотели гнать транспорт порожняком и с готовностью делились содержимым.

Особенно порадовали обер-лейтенанта и его подчиненных, несколько обнаруженных на одном из грузовиков бочек с русским салом и в нем же пару ящиков с копченой колбасой. Фельдфебель, везущий эти деликатесы, попробовал возразить и воспрепятствовать изъятию груза, но обер-лейтенант уже поднаторевший в разборках с тыловиками, моментально поставил его на место.

– Мы выполняем директиву самого Фюрера. Понимаешь ты это, болван? Посмотри сколько у нас пленных иванов и всех нужно накормить. Пойди сам к ним и скажи, что ты не дашь им сало и колбасу, только не забудь взять с собой пачку соли.

– Зачем соль, герр обер-лейтенант? – не понял фельдфебель каверзы, которую ему подстраивает Багонет.

– Когда они тебя живьем жрать станут, высыпешь себе на голову, чтобы русские потом не написали жалобу в Берлин, что их кормят пресной пищей, – пояснил обер-лейтенант, злорадно ухмыляясь. Фельдфебель боязливо покосился на русских пленных и возражать против экспроприации прекратил. Подчиненные обер-лейтенанта в этот день выполняли его распоряжения особенно расторопно и лагерь концентрационный в течение часа был ими успешно перефилирован в фильтрационный пункт. Количество пленных уменьшалось в нем на глазах, благодаря находчивости писаря, который предложил для ускорения процедуры, не выдавать русским новых аусвайсов, а ставить печать в красноармейские книжки и в них же делать соответствующую запись регистрационную. Поэтому вновь поступающие группы пленных вообще

не задерживались в лагере и получив кашу, булку хлеба, сухпак и печатку в красноармейскую книжку, выпроваживались прочь.

– Дафай, дафай, идрен фощь,– подгоняли охранники получивших все что им положено пленных.

Некоторые пленные кланялись благодарно им на прощанье и даже пытались обнять, пугая солдат Вермахта проявлением русской сентиментальности. Потом привыкли и к этой русской манере и хлопая по плечам очередную тройку освобождающуюся, караульные ворчали: – Пошел, не хрен, идрен матрон,– языковой барьер незаметно для сторон рушился и русские кричали уходя: – Даньке, зяр гуд,– Багонет, войдя во вкус, «чистил» проходящий мимо транспорт, вываливая из него, рядом с проволочным ограждением терриконы барахла трофейного, которое по его мнению несомненно должно было способствовать выполнению возложенной на него миссии. Даже патефон конфисковал для нужд лагеря с русскими пластинками и тут же приказал его завести. Разухабистый женский голос понесся над головами и русские довольно заулыбались. Судя по всему, песня им нравилась.

«Валенки, да валенки... ох не подшиты стареньки...»,– несло над лагерем и вновь прибывшие пленные и их конвоиры удивленно пялились, открыв рты на развернувшиеся фильтрационные мероприятия. Конвоиры, получив по шмату сала, кругу копченой колбасы и кружке шнапса, удивляться переставали, выпив эту кружку и даже пытались подпевать патефону.

Обер-лейтенант приказал выдавать русским желающим еще и махорку, которой ошибочно выгрузил несколько ящиков, перепутав с сигаретами. Сам он был не курящим и когда увидел что ему подсунула «тыловая крыса» вместо нормального продукта, то брезгливо сморщившись, разрешил брать «махру» пленным русским, кто сколько хочет. Увидев же какие огромные самокрутки эти варвары скручивают из газет и какие клубы дыма выпускают из своих легких, он схватился в ужасе за голову.

– О, мой Бог! Зачем с ними воевать? Они и так скоро все умрут от отравления никотином.

Глава 5

Штаб воздушной 4-ой в Романьках, разместился в трех домиках и в паре штабных палаток. Работая очень интенсивно. Стрекотали мотоциклы с колясками, увозя каких-то офицеров с портфелями и легчики «люфтваффе», разных званий, сновали вокруг этих домиков с озабоченными лицами, деловито куда-то спеша. В штабной палатке, на которую им любезно указал расспрошенный оберст, командующего генерал-полковника Александра Лёра удалось застать вместе с начальником штаба 4-ой воздушной генерал-лейтенантом Гюнтером Кортеном.

Они обсуждали оперативную обстановку на Юге и утверждали график боевых вылетов на следующий день.

Приход двух штурмбанфюреров озадачил командующего и на их просьбу уделить им десять минут для конфиденциального разговора, откликнулся с явной неохотой. Эсэсовскими рунами командующего было не напугать, его ценил Геринг и тыл у генерал-полковника был прикрыт надежно. Никаких прегрешений перед Рейхом он за собой не чувствовал и сейчас, когда германская армия перла на восток со скоростью железнодорожного экспресса, уже отрезав практически пять армий Южного фронта русских и окружив их, все пребывали в эйфории от предстоящей грандиозной победы, а командующий разумеется не исключение. Он тоже человек и внес свою лепту, в эту победу назревающую. Лёр кое-что видел гораздо лучше сверху, чем командующие сухопутные и о том, что русских ожидает неминуемый разгром, знал лучше других еще неделю назад. Неудовольствия он своего не показал, разумеется, и его даже немножко разобрало любопытство. – «Что понадобилось "черепастым" от него вдруг?»

– Извольте, – кивнул он. – Конфиденциально, значит, в саду. Пройдемте, – и вышел первым из палатки. Сад шумел осеннею листвою и с громким стуком падали с ветвей перезревшие яблоки. С нижних веток их уже ободрали немцы и некоторые даже обтрясли, но на самых верхних они еще румянились и обрываясь с пересохших черенков, летели вниз, шурша листвою и стуча по веткам.

Отойдя на десяток шагов, командующий 4-ой воздушной, повернулся и приподнял вопросительно лохматые, как у Леонида Ильича Брежнева брови. Сходство на этом между Лёром и Лёней заканчивалось. Лицо у генерал-полковника было непропорционально вытянуто вниз и на груди у него висели не звезды как у генсека, а кресты. Вот таких у Брежнева в коллекции точно не было. Все остальные получил за время правления, кроме этих. Лёру тоже не светило стать Героем Советского Союза, тем более Героем Социалистического труда. И хоть был он по натуре трудоголиком, но фюрер так и не успел наградить его крестом Героя труда националистического... А зря. Парень заслуживал, судя по мешкам под глазами. Спал урывками, радея об общем деле. Адольф вообще недооценивал этого Лёра. Двигал как пешку туда-сюда, звания зажимал очередные, а в 45-ом, в самом конце войны, взял да и наградил дубовыми листьями к рыцарскому кресту. Мог бы и сразу крест с листьями дать. Зажал листья, а потом, с намеком не иначе, их ему сунул в январе, за три месяца до конца войны. «Дуб, мол, ты». Лёр обиделся и сдался англичанам. Они, правда, его в 1947-м повесят в своей тюрьме, но сейчас он об этом не догадывался, хотя лицо было такое мрачное, будто что-то подобное предполагал. И это в дни триумфальных побед... «Какое же лицо у этого человека в дни поражений?», – невольно спросил себя Михаил.

– Мы к вам, герр командующий, вот по какому делу. Ознакомьтесь, – Михаил протянул Лёру, сложенный вчетверо лист бумаги. – Это собственноручное письмо Рейхсфюрера Генриха Гиммлера. Вам знаком его почерк?

– Знаком, – кивнул Лёр, – не спеша развернул лист и внимательно прочел письмо Гиммлера, обращенное лично к нему. Рейхсфюрер просил оказать всяческое содействие его сотрудникам – штурмбанфюрерам Карлу Марксу и Фридриху Энгельсу, в выполнении ими весьма

важной миссии. К письму прилагались две фотографии штурмбанфюреров с личной печатью Рейхсфюрера в нижнем правом углу и его подписью, удостоверяющих, что он держал их в руках.

– Здесь сказано, что вы поясните на словах в чем заключается ваша миссия, – Лёр вернул письмо Михаилу и внимательно стал изучать фотографии. Он даже левый глаз слегка прищурил, сравнивая снимки с оригиналами и удовлетворившись результатом, добавил: – Слушаю вас, господа. Все, что в моих силах...

– Миссия наша заключается, герр генерал-полковник, в негласной проверке некоторых подразделений вашей воздушной армии. Впрочем они фактически подчинены Рейхсфюреру и только формально числятся в вашем подчинении.

– О каких подразделениях вы говорите, конкретнее будьте любезны? – насторожился Лёр.

– О группе ПОРККА. Очень символичное название не находите?

– Психологическая обработка. Сейчас они находятся... – Лер назвал номер авиадивизии и эскадрильи... – это совсем рядом в Остере. Рядом с этим населенным пунктом. Что требуется от меня?

– Прежде всего от вас требуется осведомленность о нас и какое-нибудь предписание для командующего авиадивизии. Скажем на инспекционную проверку аэродромных служб. Охрана, связь, питание личного состава. Это для прикрытия истинных целей нашей миссии. Видите ли у нас есть все основания предполагать, что в группе «Порка» утечка. Кто-то из наших людей ведет двойную игру. Поэтому мы хотели бы, с вашего ведома, появиться в авиадивизии, как ваши подчиненные. Переоденемся в форму «Люфтваффе», если вы не возражаете, – Лёр, пожал плечами, не видя пока причин возражать.

– Следовательно нам необходимы соответствующие документы и командировочные предписания. Все это для прикрытия.

– Я все понял, господа, и готов со своей стороны всячески содействовать успеху вашей миссии. Вопрос только один. Как долго она продлится? – Лёр опять приподнял вопросительно брови.

– Думаю, что в три дня мы уложимся. Подозреваемых двое и мы попытаемся их спровоцировать на неосторожные действия.

– В каких званиях думаете предстать? – осведомился Лер, почему-то скептическим взглядом окидывая штурмбанфюреров.

– Думаю, что оберстов, – улыбнулся Михаил. – Генеральские нам по возрасту рановато погоны носить, а ниже оберста будет не достаточно солидно.

– Очень хорошо, – кивнул Лёр. – Я распоряжусь. Строевая часть вон в том домике. Мой адъютант Эрих Фишер вас проводит. Его, господа, придется ввести в курс дела – это моя «правая рука».

– Можете известить еще своего начальника штаба, но более никого. Инкогнито должно быть абсолютным, иначе миссия обречена на провал. Враг затаится, а впереди у Вермахта ответственной операция. И если она сорвется, то это будет катастрофой, – Михаил взглянул на Лёра столь сурово, что тот даже непроизвольно подтянулся и спросил:

– Вы хотите сказать, что эта «Порка» вносит такой весомый вклад в военные операции нашей армии?

– Именно. Если бы не они, то фюрер и компанию Восточную не начал бы. У русских превосходство во всех видах вооружения. В танках в 15-ть раз, в самолетах в пять, в артиллерии в десять. Большевицкая армия полностью механизирована, у нее 100 тысяч грузовиков.

– О, Боже! – Лёр схватился рукой за горло и нащупал железный крест, будто он налился пудовым весом и сейчас удушит его. – Где же это все?

– Все это бежит сломя голову уже третий месяц. Мы только танков КВ и Т-34 взяли в исправном состоянии более трех тысяч единиц. Трафаретим кресты, сажаем в них наших

парней и они успешно совершают охваты и прорывы. Мы бьем большевиков их же оружием. Если бы не «Порка», Вермахт был бы остановлен в первые же дни и сейчас русские штурмовали бы уже Берлин.

– Что еще нужно вам? Чем могу содействовать?– Лёр начинал проникаться пониманием важности миссии эмиссаров Гимлера.

– Сопровождающего от штаба, чтобы исключить неизбежно-возникающие бюрократические проволочки. Желательно в чине также не ниже оберста и чтобы он был лично знаком с командованием авиадивизии и желательно чтобы он был с ними в приятельских отношениях. Чем меньше официоза, тем результативнее будет наша работа,– Лёр задумался на минуту, подбирая в уме подходящую кандидатуру и махнул решительно рукой: – Отпущу Эриха Фишера с вами. Звание у него оберст и знаком он со всеми. Отношения, по-моему, вполне приятельские. Эрих очень коммуникабелен, за что и ценю. Тем более, что он так или иначе будет в курсе. Обойдусь без «правой руки» несколько дней,– скривился в улыбке командующий – 4-ой воздушной.

Эрих действительно оказался и расторопен, и коммуникабелен. В отличие от своего патрона он прямо светился оптимизмом, был щеголем, как и положено настоящему «адъютанту его превосходительства» и соответствовал образу истинного арийца на все сто процентов т.е. был белокур и та еще бестия.

В результате развитой Фишером кипучей деятельности уже через два часа в сторону Остера отбыл служебный «Мерседес» командующего с тремя оберстами на борту.

Рядом с фильтрационным лагерем «мерседес» притормозил и Михаил с Сергеем, проинспектировав его работу, остались довольны обер-лейтенантом, записав его фамилию и пообещав внести в наградные списки.

– Железный крест, герр обер-лейтенант, не обещаем, но на почетную медаль от общества «Красного креста и полумесяца» можете рассчитывать,– обер-лейтенант «ел глазами» начальство, которое за два часа из униформы СС успело влезть в мундиры «Люфтваффе» и подрасти в званиях.

Лагерь практически опустел за прошедшее время и взвод охраны откровенно бездельничал, оставшись без подопечных. Вновь прибывающие партии русских пленных, рассортировывались уже так сноровисто, набившими руку немцами, что те, ошарашенные внезапно-проявленным милосердием победителей и уходить-то сразу не решались. Ожидая подвоха вплоть до пули в спину. Приходилось подгонять, а пайки и котелки с кашей всучивать в руки чуть ли не силой. Вот что значит большевистская пропаганда, зудевшая солдатам в уши, что немцы с пленными обращаются хуже чем с животными, а раненых не лечат, а расстреливают. Комиссары на политзанятиях только об этом и твердили с утра до ночи и бедные красноармейцы, задолбанные этой пропагандой, попадая в плен ждали чего угодно, но только не котелка каши и пачки махорки.

– Герр оберст,– обратился обер-лейтенант к Михаилу,– разрешите вопрос?

– Валяй,– разрешил Михаил.

– Что делать с евреями?– обер-лейтенант ткнул пальцем в кучку пленных, уныло сидящую посреди концлагеря. Было их человек двадцать и даже человеколюбие обер-лейтенанта совершило сбой в отношении этих людей.– Враги нации.

– А чем они лучше русских?– удивился Михаил.– Если они враги, то что... Вермахт должен их содержать? Гнать в шею и в первую очередь. Фюрер приказал окончательно решить еврейский вопрос. Раз и навсегда. Такая национальность, согласно его директиве №1409/41, отменяется. Теперь еврей больше не еврей. Где родился ту национальность и получает. В России – значит русский, в Китае – значит китаец. Вносить новую национальность в красноармейскую книжку и на общих основаниях вон отсюда. Вермахт – не приют для бездомных евреев. Еще есть вопросы, герр обер-лейтенант?

– Всего один, герр оберст,– щелкнул каблуками Багонет.

– Слушаю вас.

– Кто нас сменит здесь и когда?

– Устали и не терпится на фронт? Могу вас разочаровать, герр обер-лейтенант. Вы здесь до тех пор пока будут поступать пленные. Кому-либо передавать ваши функции запрещаю. Более того, разрешаю привлечь для работы в лагере местное население. Женщин в качестве поварих, мужчин в качестве рабочих,– Михаил вынул заготовленное в штабе армии предписание с печатью и сунул ее обер-лейтенанту.– Теперь вы в непосредственном подчинении у командующего армии. Откомандированы в «Люфтваффе». Поздравляю, вас обер-лейтенант, со вступлением в его славные ряды.

– Хайль Гитлер,– гаркнул обрадованный новостями обер-лейтенант.

– Выполняйте директиву фюрера,– потрепал его по плечу Михаил и Багонет рывкнув вечное «Яволь», кинулся выполнять директиву с еще большим рвением, чувствуя, что здесь он сможет принести огромную пользу Родине, подняв ее престиж в глазах международной общестственности. Пробудет он на этой должности почти год и всегда его будет начальство ставить в пример другим комендантам лагерей. За то, что не просит для нужд пленных никогда и ничего. За то, что у него не бывает побегов и бунтов пленных. За то, что именно в этом лагере, сколько ни направь в него этих пленных, количество их моментально уменьшается практически до нулевого в течение нескольких дней.

– Вот как нужно работать, идиоты,– ставил в пример Багонета другим начальникам лагерей, прибывший в декабре с инспекторской проверкой гауляйтер Украины, не обнаружив на территории лагеря с покосившимися вышками ни одного пленного.

– Где контингент? Неужели всех ликвидировали?– удивился он, разглядывая занесенную снегом площадку.

– Так точно, в соответствии с директивой фюрера №1409/41,– бравое ответил обер-лейтенант и получил повышение в звании внеочередное, за рвение.

Аэродром находящийся рядом с поселком Остер, достался немцам от отступившей РККА. Рядом с ним «Люфтваффе» устроило здоровенную свалку горелой техники. Сначала свезли сгоревшие прямо на земле краснозвездные машины, а потом кому-то пришла в голову идея стаскивать сюда вообще всякую поврежденную. Грандиозный этот склад вторчермета, хозяйственными немцами был организован для последующей ее сортировки и отправке по назначению. Что-то можно было отремонтировать в полевых условиях, а что-то уползет в эшелонах в Фатерлянд. Особенное внимание службами тыла обращалось на цветные металлы и алюминий, который считался сырьем стратегическим и по этой причине даже у пленных красноармейцев изымались их солдатские котелки и ложки. Все войны на Земле велись всегда исключительно ради добычи. И эта была не исключением. На свалке копошились бригады сортировавшие металл, растаскивающие его по кучам. Все те же русские пленные.

– Говорят, что даже чернозем из России эшелонами приказано вывозить,– кивнул Михаил в сторону свалки.– Богатая страна эта Россия. Люди в ней нищие, правда, почему-то всегда.

– Порядка у них нет потому что никогда,– живо откликнулся Фишер.– Им бы царем нашего фюрера помазать на трон и зажили бы они лучше всех. Сами виноваты. Своего царя свергли и евреев к власти допустили.

– Однако и при царе они жили не лучше чем при большевиках, а в его жилах текла арийская кровь,– возразил Сергей.

– Ленивый народ. Им бы напиться водки, да под балалайку сплясать. Кто Россией управлял всегда? Немцы. Если бы не они, то и страны такой – Россия не было бы,– самоуверенно заявил адъютант.– Всегда немцы решали в России, как ей жить. От ихнего царя Петра так было и до последнего – Николая.

– А им это надоело и они попробовали жить без немцев?– спросил Михаил.

– Они – русские вообще ничего никогда не решали. За них решали всегда другие. Пока решали немцы, Россия была великой страной, почти арийской. А потом поналезли евреи со всех сторон. И начали они решать. Царя-батюшку расстреляли и власть захватили. Немцев – дворян выгнали, а кто не успел уехать тоже расстреляли. Нет, народ в этой стране – это свинья, которую никогда не спрашивали, чем ее кормить.

– Вы считаете, что они не способны сами собой управлять?

– Про русских недаром говорят уже давно, что «один русский – это гений, два русских – это скандал, три – это анархия». Нет, они сами не могут. Им нужна железная рука. Без нее русские впадают в анархию, работать перестают. Пьют и пляшут свою кадрили,– уверенным голосом подтвердил Фишер.– Посмотрите как они воюют – это потому что ими командуют евреи-большевики. А евреи воевать никогда не умели. Поэтому русские отступают. Когда русской армией командовали немецкие офицеры, русские всегда побеждали. У русских никогда не было своих талантливых полководцев, в этом их беда. Они солдаты, а командовать ими должны мы – немцы.

– А Суворов?

– Суворов? Это немец чистокровнейший, господа. Как можно не знать об этом? Его предок – Сувор принял подданство русское в 1622-м году при царе Михаиле Федоровиче. Прибыл он в Россию из Швеции, но сам Сувор был прусак из Мюнхена. Поступил на службу к шведскому королю, но что-то его там не устроило и ушел служить к царю Михаилу. И звался он вообще-то Zuver, что означает – «опередить», или что-то в этом смысле. Русские, конечно, переиначили на свой лад.

– Откуда такие познания, герр Фишер? Вы изучали военную историю?– задал вопрос Сергей.

– Увы. Нет. Но о Суворове знаю многое. Я родился в Швейцарии, господа. В городе Швиц. Там помнят генералиссимуса и его переход через Альпы. Только истинный ариец способен на такое. Шестдесят сражений и ни одного поражения,– Фишер гордо задрал свой арийский нос и свысока взглянул на копошащихся в утиле пленных. Один из них, с забинтованной грязной тряпкой головой, видимо споткнулся и рухнул, выпуская из рук кусок дюралевой обшивки, которую волок из одного конца свалки в другой. Фрагмент крыла кувыркнулся и, очевидно, достаточно чувствительно попал по ноге охраннику. Судя по ярости, с которой он набросился на упавшего пленного, избивая прикладом винтовки, удар был болезненным. Пленный попытался встать, но ударом в голову караульный сбил его с ног и принялся добивать уже лежащего. Удары сыпались столь яростные, что Михаил понял, встать русскому живым немец не позволит.

– Стой,– скомандовал он водителю и «мерседес» замер, рядом с проводящим экзекуцию охранником.

Услышав за спиной хлопок двери тот оглянулся, размахиваясь для очередного удара и замер с перекошенным от ярости лицом. Перед ним стоял оберст Люфтваффе. И глаза у оберста были такие, что охранник тут же пришел в себя. Яростную гримасу сменил на угодливую и вытянувшись по стойке смирно, доложил:

– Шутце Баркхорн.

– Демонстрируете арийское превосходство недочеловеку, шутце? – Михаил взглянул на разбитое в кровь лицо русского, который сумел сесть и теперь смотрел на него снизу вверх одним глазом. На месте второго была сплошная кровавая рана. Видимо эсэсовец попал удачно в глаз и этот человек теперь наверняка лишился его. Пленный был, судя по гимнастерке, рядовым и уже в возрасте. Пожилой дядька сидел сгорбившись, схватившись одной рукой за голову, а второй рукой размазывал кровь по лицу подолом гимнастерки.

– Объявляю вам месяц ареста, шутце Баркхорн, за недостойное немецкого солдата поведение. Такие как вы позорят Германию. Немедленно отправляйтесь под арест. Кто старший в наряде?

– Унтершарфюрер Кеппен,– у немца вытянулось лицо. Он искренне не понимал за что так сурово наказан.

– Унтершарфюрера ко мне и бегом на гауптвахту. Если ее еще нет, роете окоп для стрельбы стоя, шутце Баркхорн и отбываете арест в нем. Бего-о-о-ом. Марш!– Шутце запрыгал резво по железкам в сторону аэродрома, а к нему на встречу, так же гремя, прыгал унтершарфюрер.

Он тоже искренне не мог взять в толк, чем не доволен оберст Люфтваффе, но «яволь» вякал, как положено и оказать пленному пострадавшему медицинскую помощь распорядился. Прибежавший санитар засуетился вокруг него, меняя повязку на голове. Забинтовал несчастному голову так, что у того из-под нее торчал только нос.

– Отправить всех пленных в лагерь у деревни Романьки,– скомандовал Михаил унтершарфюреру и тот опять сначала послушно сказав «Яволь», все же возразил, впрочем не уверенно:

– Здесь в Остере свой лагерь, герр оберст.

– В Романьках к ним отношение соответствующее. А с вашим лагерным начальством мы будем разбираться уже сегодня. Засиделось оно в тылу. Такие brave ребята, как ваш шутце Баркхорн, должны не на пленных свою ярость вымещать, а в бою. Вон сколько накопилось жажды повоевать. Это от безделья. А командовать баркхорнами кто-то должен или нет, унтершарфюрер? Сами себя они в атаку не поднимут. Верно?– возразить унтершарфюреру было нечего и по его глазам Михаил понял, что у рядового Баркхорна сегодня будет незабываемый вечер.

Глава 6

Перевязанный русский пленный, продолжал сидеть, беспомощно оглядываясь и кривясь от боли. Очевидно, шоковый период прошел и боль по-настоящему стала ощущаться организмом. Из-под повязки на глазу, текли ручьем слезы и оставляя след на несколько дней немывом лице, капали с подбородка на пыльную, выгоревшую до бела гимнастерку.

– Этого я забираю с собой, – поставил в известность унтершарфюрера Михаил. – Помогите ему встать, – унтершарфюрер, как любящий сын престарелого родителя, приподнял русского и заботливо проводил его к дверце автомобиля, придерживая под локоток и приобняв за плечи.

При этом он что-то мурлыкал, растягивая губы в фальшивой улыбке и Михаил представил себе, что было бы, если бы он оставил раненого здесь и позволил унтершарфюреру пообщаться с ним без свидетелей. Вряд ли ему суждено было бы дойти до Романек. Косвенно виноват – все равно виноват. А унтершарфюрер получил бы моральное удовлетворение за все неприятности, которые ему уже выпали и возможно выпадут в ближайшее время. Находящийся в некоторой прострации русский, даже не мог удивляться всему тому, что происходит вокруг него. И привыкший уже за несколько дней плена, что немцы, чтобы они ни делали, делают как правило гадость, покорно плелся сначала к машине. Потом так же покорно сел в нее и забился в угол, стараясь не прикасаться к сидящему там Сергею. Севший следом Михаил, прижал его к нему и пленный втянул голову в плечи, ожидая как минимум зуботычины. Однако немецкие начальники вели себя странно, судя по всему, готовя на этот раз гадость грандиозную и один из них даже сунул ему в руки платок и на русском, совершенно понятно объяснил, что платок следует приложить к щеке, чтобы уменьшить боль. Пленный послушно платок взял, приложил к разбитой стороне, вытирая бегущие слезы и почувствовал запах ландыша, такой родной, что слезы теперь побежали у него из глаз не от боли, а от тоски смертной. В плен красноармеец Семенов попал неделю назад. Он служил в автобате и попав под бомбежку, был контужен. Очнулся и сам перевязав себе разбитую голову, был поднят на ноги окриком проходящего мимо немца. Эта неделя плена стала самой страшной неделей в его жизни. Никогда так не унижали и не издевались над Семеновым Иваном Ефимовичем, как в эти дни. Используя пленных, как грубую рабочую силу, немцы кормить и поить их совершенно не собирались и питаться приходилось подножным кормом в прямом смысле этого слова. Вчера вечером, перед тем как загнать их в лагерь, за колючую проволоку, старший конвоя – не этот унтершарфюрер, а другой, оказался жалостливым и разрешил им «попасться» полчаса на необранном пшеничном поле. Пленные терли колоски и совали в пересохшие рты пшеничные зерна. А немец оказался совсем добрым и разрешил потом напиться досыта в кювете, где цвела дождевая вода и пахла тиной и бензином. На территории же лагеря уже не осталось даже травы под ногами и листьев на деревьях. Те кто оставался в нем, жутко завидовали попадающим в рабочие команды.

Брали в них только физически здоровых или с легкими ранениями и контузиями как у Семенова. Раненые более серьезно, без медицинской помощи были обречены на медленную смерть от гангрены и голода. Стон стоял над лагерем, который представлял из себя мертвое поле, с голыми стволами и ветвями нескольких деревьев, огороженное колючкой. Пределом мечтания пленных, оставляемых в нем постоянно, был дождь. Воду немцы тоже не выдавали и жажда мучила людей сильнее подчас, чем голод. Смертность была такой, что ежедневно к воротам вытаскивали несколько десятков трупов санитары, назначенные немцами и получавшие за это кусок хлеба и кружку воды. Им тоже завидовали и смотрели на них с ненавистью, хоть и понимали, что эти люди не своей волей выполняют эту страшную работу и на их месте мог быть любой из них. Бунт голодный, подавленный пулеметами, здесь уже произошел две недели назад и теперь уже ни у кого не осталось иллюзий что этот лагерь – не лагерь смерти.

Человек устроен так, что ценит только то по-настоящему, чего его лишают. Вот и Семенов сейчас вдыхал запах ландыша и ему вспомнилась родная деревня на Урале и лес вокруг нее. У них в лесу замечательные лесные ландыши и пахнут они вот так же. Семенов никогда не отличался сентиментальностью и когда его супруга рвала в лесу цветы, а потом ставила их в кувшин дома, на подоконник, он снисходительно усмехался «бабским глупостям» и запах этот не замечал. Потому что был он естественным фоном для него. Дом деревенский весь из таких естественных запахов состоит. В нем пахнет, сохнувшим луком и березовыми вениками, грибами, ягодами и сеном. Медом и воском, проросшим картофелем из подпола и квашенной капустой из него же. Сейчас в плену Семенов вспоминал эти запахи и понял только здесь, как он был счастлив, когда мог дышать родным воздухом. Он и на фронт-то попал прямо со сборов. В мае взяли на переподготовку и весь месяц Семенов работал здесь на Украине, в строительном батальоне. Строили аэродром и сдали его 21-го июня. Двадцать третьего он должен был отбыть из части домой и начавшаяся война зачеркнула все жирным, кровавым крестом.

Где-то по утрам орали петухи и мычали коровы, где-то люди смеялись и радовались, или ему это приснилось, а жизнь вся его – это пыль дорог, разрывы снарядов и приклад конвоира в лицо? Не было ничего. Ни рассветов, ни закатов, ни свадеб с тройками, ни костров на берегу ночной реки. Жажда и голод, страх животный сначала, а потом тупая, скотская покорность судьбе. Семенов всегда считал себя человеком умным, расторопным и терпеливым. Он всю жизнь в поте лица добывал хлеб насущный и не верил в подарки, он верил только в свои руки крестьянские и в то, что Бог, если Он есть, ему воздаст за честный труд, – «За что, Господи!», – шептал он, глядя в осеннее, звездное небо, лежа на каменной земле лагеря смерти. Он, никогда не ходивший в церковь, и знающий с детства только одну молитву – «Отче наш», – шептал ее холодно мерцающим звездам и просил, то ли существующего, то ли нет Бога, только об одном, чтобы завтра ему не подняться бы с этой земли и не видеть больше этот паскудный, жестокий, непонятный мир. Но то ли Бог не слышал его молитв, то ли не до дна испита была еще чаша страданий рабом Божиим Иваном, то ли не было все же там в небе никого, кто мог услышать и помочь, но наступало очередное страшное утро и начинался очередной день в аду.

Эрих Фишер, сидящий впереди, рядом с водителем фельдфебелем, повернулся и с любопытством посетителя зоопарка, принялся рассматривать русского, от которого несло запахами не самыми благовонными. Немытое давно тело и загноившаяся рана на голове, распространяли соответствующие миазмы и Эрих никогда бы не посадил это животное в салон, но здесь он был на положении подчиненном и зная от кого и зачем прибыли эти два штурмбанфюрера, терпеливо сносил возникшие неудобства, пытаясь извлечь из них хоть что-то поучительное и познавательное. Фишер вообще парень был начитанный и любознательный. Он читал кое-что о России и его населении, но вот так, вживую, непосредственно, на расстоянии протянутой руки с истинно «сермяжным» русским ему столкнуться довелось впервые. Ему приходилось общаться с офицерами Красной армии в штабе, когда их доставляли в разведотдел. Это в основном были летчики и их хромовые сапоги гармошкой, галифе бутылками и фуражки с квадратными козырьками, вызывали у него усмешку. Он присутствовал при их допросах и однажды встретил умеющего говорить на немецком. Немецкий у русского был ужасный, но Эриху удалось с ним пообщаться. Он даже угостил русского сигаретой и задал несколько вопросов. Эриха занимал вопрос, на который он жаждал получить ответ. – «Почему русские терпят это чудовище – Сталина?», – его он и задал первым, когда русский в звании майора, благодарно сопя, всасывал в себя табачный дым. От вопроса этого русского перекосило так, что Эрих переполошился не сердечный ли припадок с ним случился. А русский, испуганно озираясь, прохрипел, путая окончания и падежи.

– Родителей не выбирают, герр оберст. Что Бог дал, то и ладно.

– Вы фаталист, герр майор? – удивился Эрих. – Все русские фаталисты. Вы придумали много поговорок чтобы ничего не делать. – «Кому бить, того не миновать. Дфум смертям не

бывать, а одной на минофать. Кто старость помянет, тому глаз фон», – блеснул он знанием русского народного фольклора. Эрих добросовестно выучил из солдатского засапожного разговорника все фразы и заинтересовавшись русской фонетикой, выпросил у писарей русско-немецкий словарь. В нем он и нашел много поговорок и с удовольствием их вставлял при случае. – «Рапота не фолк в лес не побежит, от рапоты конь подох», – эту пословицу он особенно долго разучивал, пытаясь понять ее смысл. И пришел к выводу, что фаталисты русские еще и ленивы от природы и это у них в крови от предков, которые сидели в дремучих лесах на печи, выползая из своих избушек только чтобы заготовить дров и наловить зверья. Медведей в основном, которых в России очень много. Потом пришли викинги и начали русских слегка приучать к труду и государство им создали. Назвали Росью, по князю варяжскому, вот и пошла эта Россия от них. Русские, если их с печей согнать, могут все что угодно, даже корабли и города с канализацией построить, главное не давать им покоя и не позволять на эту печь забраться. Видел Эрих эти русские печки и дедов с бородами до пояса, на них лежащих. Залез, возможно, еще безусым на нее, да так и просидел, потому что не согнали вовремя. Вот и этот русский пленный наверняка такой же. Отпусти его и он сразу ползет на печь. Методы СД и СС Эриху не нравились и он был против насилия над побежденными врагами, но и симпатии они у него не вызывали своей зачуханностью и дикостью.

– Вот герр оберст, перед вами истинный представитель русского народа. Средний русский так сказать. Поняв его, вы поймете весь народ и можно ли его победить, – тем временем выдал Михаил фразу, с которой Эрих разумеется не согласился, заявив, что если весь народ такой, то война этим народом уже проиграна с вероятностью сто процентов и что кроме русских в России еще проживают татары и евреи. И если евреи его особенно не беспокоят в качестве вояк, то татары эти в основном и представляют основное препятствие, очевидно, раз все русские вот такие.

Выслушав его самоуверенные заявления, Михаил усмехнулся снисходительно и предложил Эриху пари.

– Вы считаете что этот русский ни на что не годен? Ошибаетесь, герр оберст. Он сейчас слаб от голода и ранения, а если бы был сыт и здоров, то дал бы любому немцу фору в умении воевать и в смекалке солдатской. Хотите пари?

– Что вы предлагаете? В чем будет заключаться оно? – заинтересовался Фишер, человек от природы азартный и спортивный.

– Мы приводим этого русского в порядок за пару дней и устроим соревнование с любым немцем его комплекции. Скажем, роста чтобы был такого же. Переоденем русского в форму Вермахта чтобы немецкому солдатику было не обидно и проверим кто лучше окапывается, стреляет и ползает. А в конце устроим кулачный бой. Сведем их в рукопашной. И я ставлю три против одного, вот на этого Ивана.

– Согласен, – обрадовался Эрих легким деньгам. – Пять тысяч марок готов поставить на немецкого солдата.

– Вот и чудесно. Приготовьте деньги, герр оберст, через два дня проведем соревнования. Мы к этому дню, очевидно, разберемся со своими делами и с удовольствием отпразднуем это событие за ваш счет.

– Как говорят русские, – «Наш бы телка, да скушал фолка», – весело ответил Эрих, хлопая по протянутой ему ладони своей и заключая таким образом пари. Пятнадцать тысяч марок лично ему не помешали бы через пару дней... в виде подарка.

Аэродром под Остером отличался от того, который они видели под Крени прежде всего своими размерами и покрытием взлетных полос. Русские постарались на славу и выложили их бетонными плитами, подогнав их настолько идеально, что и стыков было сразу не разглядеть. Бомбежки, повредившие полосы в некоторых местах, не нанесли им значительного ущерба и немецкие саперы заменив поврежденные участки новыми плитами, которые нашлись в запасе

рядом с полосами, привели аэродром в рабочее состояние буквально в считанные дни. Здесь так же все крутилось как в хорошоотрегулированном конвейере, аэродром фронтового значения жил напряженной жизнью в режиме военного времени. Уходили и возвращались звенья, покачивая крыльями в крестах, бегала обслуга и ревели двигатели. Суэта аэродромная была наполнена особенным смыслом, за каждым движением стоял вовремя обеспеченный самолетовылет, а значит движение армии вперед и осознание этого ясно просматривалось на озабоченных и сосредоточенных лицах немцев, участвующих в этой суете.

На территорию аэродрома Мерседес командующего проехал через КПП, где караульный тщательно проверил документы у всех офицеров и козырнув, поднял полосатый шлагбаум. Аэродромные службы располагались в ангарах и щитовых домиках, также доставшиеся победителям от прежних хозяев и не пострадавших от бомбежек.

У одного из них Мерседес и тормознул, чуть не задавив топчущегося у входа часового с автоматом на шее. Часовой отскочил к крылечку в одну ступеньку с деревянными, косыми перилами и забыв об уставе караульной службы, рывкнул пару ругательств в адрес водителя прибывшего авто.

– Скотина тупорылая. Свинья, – донеслось до ушей сидящих в салоне офицеров Люфтваффе и Эрих сделал замечание шоферу.

– Ганс, он прав. Что за лихость? А если бы тормоза не сработали? Мы сейчас имели бы труп под днищем с крестом на груди? – у часового действительно был крест на униформе и парень он видать был выдававший виды, поэтому ему замечаний делать Эрих не стал, а Ганс пробормотав: – Виноват, – выскочив, обежал машину и открыв дверки, вытянулся, прижав ладони к бедрам и оттопырив локти. Часовой, увидев сразу трех оберстов, тоже вытянулся, задрал подбородок, но глаза его прищурившись смотрели не на прибывших офицеров, а цепко оцепывали лицо наглеца шоферюги, запоминая накрепко его физиономию.

Поручив Гансу присмотреть за пленным, оберсты отправились утрясать формальности и вышли из штаба дивизии через полчаса довольно улыбаясь. Все вопросы удалось решить без проволочек, даже жилищную. К удивлению оберстов часового, чуть не сбитого машиной и водителя Мерседеса, они застали за вполне дружеской беседой. Ганс сидел на своем водительском месте, а часовой с крестом, повис на дверке, что-то оживленно рассказывая. Лицо у него было вполне миролюбивым и чудесная эта метаморфоза объяснялась просто. Ганс преподнес ему в качестве компенсации за испуг пачку сигарет и рядовой остался извинением, в такой форме принесенном, удовлетворен вполне. Он, конечно, запомнит Ганса на всю оставшуюся жизнь, но теперь ассоциации у него будут совершенно противоположными и Гансу не грозит получить по беспутной голове где-нибудь в пивной кружкой, если они столкнутся с ним после войны. Наоборот парень будет рад его видеть и с удовольствием угостит пивом. Такие люди как Ганс умеют жить легко и неприятности с ними происходящие переворачивать в свою пользу. Водитель выполнял при Фишере по совместительству обязанности денщика и был достоин своего начальника, чем-то даже походя на него внешне. Такой же белобрысый, голубоглазый и компанейский. Увидев выходящих офицеров, он цикнул на часового и тот поспешно отпрыгнул от авто, сделав каменное лицо и вытягиваясь во фронт. На маленькое нарушение караульной службы оберсты решили закрыть глаза, тем более, что часовой, прищемил подошвой окурок так проворно, что тот и дымнуть на прощанье не успел.

– Загладил вину, Ганс? А я думал что выйдем и увижу твое личико слегка отретушированное этим парнем.

– Ну что вы, герр оберст, Генрих свой парень. Мы с ним оказались земляки. Оба из Баварии. А Баварцы не держат зла на земляков, – расплылся в радостной улыбке Ганс и подмигнул Генриху, который мигнул в ответ, но губы от улыбки удержал. На посту все же.

– Нам командующий блок номер 13-ть выделил в распоряжение. Вчера саперы поставили три новых щитовых строения, вот и оценим, как русские решают проблему размещения лич-

ного состава. Заготовили они, нужно отдать им должное, все необходимое здесь для нормальной эксплуатации аэродромных служб, в достаточном количестве, но вот удобствами особенно не озадачивались.

Личный состав размещали в палаточном городке, за периметром аэродрома. Для офицеров у них, правда, предусматривалась казарма, но... – Эрих вздохнул осуждающе. – Свинарники в Рейхе уютнее. А вот эти блоки заготовленные, установить не успели. Видимо предназначались для среднего командного состава. Домики на четверых рассчитаны и вы будете смеяться, но есть в них даже кухня и сортир. Воды правда нет, но на войне как на войне, господа, придется довольствоваться приносной. Ганс, слышал?

– Так точно, герр оберст, – весело отозвался тот. – Обеспечим.

– Заводи и триста метров прямо.

Щитовой домик офицерам понравился и цвет его защитный тоже. Хорошо вписываясь в окружающий природный ландшафт он скорее всего был совершенно не замечен сверху и в нем не дуло. Что еще нужно солдату на войне? Кухонька оказалась, просто пустым помещением с четырьмя табуретками и колченогим столиком, а еще имелось помещение с четырьмя солдатскими кроватями и с четырьмя же окнами, которые сейчас были прикрыты деревянными щитами и освобожденные от них, заполнили помещение дневным светом. Кровати были аккуратно застелены солдатскими одеялами, вполне новыми с сиротскими полосками и Сергей с удовольствием рухнул на одну из них, забрасывая ноги на спинку.

– С утра мечтал уронить скелет вот на нечто подобное, – признался он. Впрочем валяться долго не стал, а тут же сев, озадаченно спросил: – С русским как? Где его разместим?

– На кухне, – предложил Михаил. – Стол сюда с табуретками. Спальный мешок я ему выделю и думаю, что устроится не хуже нас. Ганс, освобождай, помещение. Ну а вас, Эрих, раз уж вы ввязались в пари, мы озадачим экипировкой Ивана. Думаю, что вам не составит труда раздобыть комплект обмундирования, – Эрих окинул взглядом, стоящего у порога Семенова и кивнув, вышел из домика.

Ганс припер из кухни стол с табуретками и замер в ожидании распоряжений офицеров.

– Тащи, Ганс, барахло наше из машины. Мы здесь дня на три, – скомандовал ему Сергей и кивнул Семенову. – А ты садись, в ногах правды нет. Табуретку возьми и присядь. Голова кружится?

Семенов кивнул и присел в угол, переместившись в него с табуретом.

– Сейчас осмотрим твою рану и решим что делать дальше. – Сергей принялся разбинтовывать повязки и присвистнул, увидев залитый кровью глаз. Полез в аптечку, промыл его и удовлетворенно кивнул: – Повезло тебе, парень, приклад вскользь прошел. Кожу снес, а глаз цел остался, – сложив из ваты и бинта тампон, Сергей смазал глаз мазью ландышевой, пройдясь ей и по тем ранам, что на голове, перебинтовав голову свежими бинтами.

– Пару дней походишь Кутузовым и все будет в лучшем виде, – сообщил он пленному и тот уныло взглянул на него снизу вверх, особенно не проявив энтузиазма. Конечно, сейчас Семенову было гораздо лучше чем всего час назад, но неопределенность его положения угнетала больше, чем мучавшие голод и жажда. Сергей сунул ему пилюлину энергетика и флягу с водой в руки.

– Выпей таблетку и запей водой. Это витамин. Легче станет гораздо, – объяснил он и Семенов, послушно проглотив лекарство, запил его флягой воды, высосав ее до последней капли.

Вода ему показалась такой вкусной, что он даже потряс пустую уже флягу, вытряхивая из нее последние капли в рот. Михаил улыбнулся сочувственно и сунул ему в руку еще одну, которую Иван Ефимович выпил уже не так поспешно и жадно, но выпил опять всю.

– Достали вас лагерные порядки, Иван? – посочувствовал ему Сергей. – Давайте знакомиться. Это Карл, я Фридрих, а вас как нам называть?

– Зовите, как звали,– Семенов вернул флягу и попытался встать.

– Сиди, Иван. Сейчас будем обедать. Ганс, проводи пленного к рукомойнику и обеспечь мылом и полотенцем. Видишь человек не умывался давно,– Ганс щелкнул каблуками и пома-
нил русского за собой: – Комм шнель,– вернулись они минут через десять и умытый Иван
выглядел уже не так зачуханно, как до умывания. И пахло теперь от него несколько терпимее.
В основном ландышем. Ганс обеспечил русского не только мылом, но так же бритвой и свеже-
выбритое лицо его даже помолодело, освобожденное от недельной щетины, лет на десять не
меньше. И только настороженно глядящий глаз, по-прежнему указывал на то, что возраст у
этого человека понятие совершенно не зависящее от внешнего вида. Последние недели жизни,
добавили в этот взгляд столько же опыта жизненного, сколько все предыдущие годы и в сумме
это тянуло лет на восемьдесят. Ганс убежал на ближайшую кухню с котелками, а пришедший
Эрих Фишер, швырнул на табурет комплект обмундирования рядового Люфтваффе. Глаз у
него оказался точным и Ивану все оказалось впору. Даже с сапогами Эрих не промахнулся,
четко определив размер ноги пленного.

Форма была уже второй категории, т.е. бывшей в употреблении, но не штопанной, а
сапоги и вовсе были новыми. Переодевшийся пленный выглядел в ней вполне похожим на
немца и даже его темно-русые волосы не наводили на мысль, что это не так. Раненый немецкий
солдатик, сидел на табуретке и если бы не унылое выражение лица, то узнать в нем прежнего
Семенова было бы затруднительно, пожалуй, даже давешнему шутке, любителю изуверских
методов воздействия на пленных. Лицо же обличало его носителя на все сто процентов, оно
говорило,– «Я узник лагеря».

– Скажи, Иван, ты кем был на гражданке?– задал ему вопрос Михаил.

– В колхозе я работал трактористом и шофером,– ответил Семенов, облизывая пересох-
шие опять губы.

– Опять пить хочешь?– Михаил вышел и вернулся с канистрой.– Пей сколько влезет,–
поставил он ее у ног Семенова и протянул ему солдатскую кружку. Пленный кивнул и принялся
наливать в нее воду из полной канистры, стараясь не проливать мимо.

– Колхозник, значит. А военная специальность у тебя какая?– продолжил расспросы
Михаил.

– Действительную в кавалерии служил. Пулеметный взвод, а в эту войну в автобате,
потому как права у меня на вождение автотранспорта теперь есть,– ответил Семенов, отрыва-
ясь от первой кружки воды.

– Стреляешь, значит, хорошо?– в ответ на вопрос этот Семенов неопределенно пожал
плечами: – Умею,– буркнул он, опять отрываясь от кружки.

Глава 7

День близился к концу, когда комиссия в составе трех оберстов познакомилась наконец-то с «зондер-командой – ПОРККА» и его управленческим аппаратом. Группа состояла так же как и в группе армий «Центр» из «очкариков» и охраны. Размещалась с оборудованием так же в «Железной Анне», а старшим в группе был штандартенфюрер Фриц Раммер, отвечающий за все. Пройти удалось в расположение группы, занимающей пару ангаров и два сборных домика, так же без проблем, хоть у них и было поставлено собственное охранение из здоровенных эсэсовцев, стоявших по периметру чуть ли не через метр. Прошли, познакомились и предупредили, что имеют полномочия от командования на тщательную проверку технической документации. Штандартенфюрер возражать не стал, предупредив, что поставит в известность Берлин во время очередного сеанса связи. Но штандартенфюрер, на связь выйдя в очередной раз с вышестоящим начальством, о прибывшей комиссии забыл напрочь. Вылетело из головы. Причиной этому стало отсутствие аномальной зоны в радиусе ста метров вокруг ангаров группы. Факту этому очень обрадовался Сергей, предложив немедленно переселиться на территорию группы. Михаил с ним не согласился, оставив штандартенфюреру на сохранение в его несгораемом ящике портфель с документами, сославшись на их важность. Раммер в такой мелочи не отказал, попросив лишь продемонстрировать содержимое и сделал это так любезно, что отказать ему было не возможно. Михаил понимающе кивнул и портфель вывернул чуть ли не наизнанку.

– Только бумаги, герр Раммер и пару безделушек. На пару браслетов Фриц Раммер кинул взгляд мельком и принял портфель вместе с содержимым.

– Ну, вот они и попали, за пару дней М.Э накопится и разнесем эту «Порку» без пыли и шума. Я уж планировал тут пошуметь слегка,– признался Михаил этим же вечером. Оберст Фишер умотал к своим приятелям из штаба дивизии. Приглашал и их, утверждая, что в Остере открыт офицерский клуб с неплохой кухней и в нем собираются по вечерам отдохнуть от службы приличные люди.

– Бильярдный стол где-то каналы раздобыли и в картишки можно перекинуться в теплой компании,– перечислял он достоинства фронтового клуба, но «инспекторы», сославшись на усталость, отказались и он уехал с Гансом, оставив гостей в компании с русским пленным.

Семенов за день заметно приободрился и выглядел гораздо веселее, чем в середине дня. У него зудел и чесался травмированный глаз, который он скреб сквозь повязку и его уже перестала мучить жажда. Напился досыта, оприходовав чуть ли не всю канистру. Кормили его тоже досыта и питание усиленное, наложенное на эффект «энергетика-стимулятора», давала плоды зримые и незамедлительные. Заняться ему, правда, было нечем и он валялся на кухне, подстелив спальник, иногда просясь в туалет. Обмен веществ в организме ускорился и после каждого похода в дощатые «удобства» Михаил усаживал Семенова за стол и заставлял есть. Иван Ефимович послушно брал в руки ложку и косясь, на непонятно ведущих себя немецких офицеров, ел свой десятый за день обед или уже ужин, если судить по времени. Сигарету потом он так же с удовольствием, предложенную, выкуривал и Сергей понял, что запасы пополнять табачные ему нужно просто в срочном порядке. Сигареты немецкие, предложенные ему Фишером, пахли плесенью и дым от них был вонюч и неприятен. По-видимому по распоряжению некурящего фюрера в табак специально добавляли какие-то ингредиенты, делающие его таковым. Чтобы отбить охоту у курильщиков к этому зелью, вредному для генотипа нации.

– Гадость какая это «Каро», говорят, что сам Штирлиц их любил. Как можно любить такое дерьмо?– плевался Сергей, выкурив одну сигарету.

– Штирлиц – персонаж вымышленный и курил он сигареты вымышленные. А вымышленные они были качества отменного без примесей в виде сушеного куриного помета. У Семенова

было богатое воображение,— улыбнулся Михаил.— Иван Ефимович это мы не про вас тут разговариваем. Однофамилец есть у вас — писатель Юлиан Семенов. Фантаст. Завтра, Фридрих, получишь своего «верблюда», для того чтобы пару ящиков этой отравы изобразить энергии за ночь накопится достаточно. Бросай курить, вон фашисты и те признали вред от никотина. По всем направлениям пропаганду ведут. Ни в одной стране мира так не боролись никогда с курением как в 3-ем Рейхе.

— Вот поэтому и не брошу принципиально,— пробурчал Сергей.— Если бы они расхваливали табак и призывали с его помощью нервы успокаивать, то я бы точно бросил. Свинский режим, ханженский. Лицемеры блин. Если бы Гитлер, как Франко в Испании просидел во главе Германии лет тридцать, то немцы превратились бы в роботов. Лез во все без мыла полудурок,— ворчал Сергей по-русски и Семенов слушал его, открыв рот. Теперь ему совсем было непонятно и ругань эта в адрес самого главного немца и язык русский совершенно без акцента, и манеры совершенно отечественные, которые ни с какими иноземными не спутаешь. Семенов, конечно, за границей никогда не был и кроме немцев иностранцев в жизни своей не видел ни одного, но внутреннее чутье «сермяжное» подсказывала ему, что эти «немцы», совсем и не немцы. Мысль эта пришла ему в голову и сорвалась совершенно произвольно с языка.

— Ребята, вы кто?— спросил и сам испугался вылетевшего вопроса, втянув голову в плечи.

— Слыхал, Карл?— нашего человека хрен на кривой кобыле объедешь,— ткнул в него пальцем Сергей.— Свои мы, Вань. Влезли в эту шкуру временно. Нужно срочно фрицам нагадить. В пару дней уложимся и свалим, ну и тебя с собой заберем. Так что считай, что свободен уже. Молчи и радость тут не демонстрируй по этому поводу, спалишь на хрен. Придется тогда все тут жечь, взрывать и с шумом уходить. А мы хотели тихонько все обтяпать. Врубился?

— Вру-рубился,— Семенов таращил здоровый глаз на «немцев» веря в сказанное пока лишь наполовину, но половина эта была такой весомой, что вторая сначала слегка подвинулась недоверчиво, а потом и вовсе отвалилась, освободив место, в его истерзанной душе, надежде. Глаз его блеснул набежавшей слезой и Иван Ефимович вытер ее, побежавшую по щеке поспешно, застеснявшись проявленной слабости.

— Завтра разгоним местный лагерь смерти с утра и приступим к основному заданию, а твоя задача отсыпаться, отъедаться и послезавтра выступить на соревнованиях под названием.— «Чей солдат круче». Мы с Фишером Эрихом поспорили, что ты ихнего немца обставишь по всем показателям. Ну, там в рытье окопа, стрельбе и рукопашке. Как у тебя с рукопашкой?— продолжил Сергей просвещать Семенова. Тот слушал приоткрыв рот и известие о «Чей круче», где ему предстоит выступить в качестве главного действующего лица, воспринял, слегка поморщившись.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.